А. Храбровицкий

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

«Сталинское знамя»
Пенза

2238/9

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

2 2 38/5

Под редакцией и с предисловием проф. Д. Д. Благого.

Пенз. Областная библиотека имени И. Белинского Пенза

Издательство газеты „Сталинское знамя"
Пенза 1946

ПРОВЕРЕНО

Обложка и заставки работы
художника А. П. Баранова.

*

Рисунок на обложке—
памятник М. Ю. Лермонтову в Пензе.

Ответственный редактор Н. И. Страхов.

Корректор О. П. Гароза.

ФЛ04069. Заказ № 3648. Подписано к печати 6. III 1946 г.
Об'ем 4,25 печ. листа. Тираж 10.000. Цена 6 рублей.

Типо-литография издательства «Сталинское знамя».
Пенза Улица Кирова, 65.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская литература—предмет нашей законной гордости перед лицом культурного человечества—является созданием всего народа, всей страны. Каждый край, каждая область внесли сюда свою долю, подчас весьма важную и значительную. Однако размеры и характер этого местного вклада в великое общенациональное дело до сих пор не только по-настоящему не изучены, но даже полностью не учтены.

Автор данной книжки поставил своей целью в какой-то мере восполнить этот пробел в отношении Пензенской области, где он живет и работает. Картина получилась очень внушительная. В результате настойчивого труда, тщательных и кропотливых разысканий ему удалось установить ту или иную связь с Пензенской областью более чем тридцати русских писателей, среди которых имеется ряд самых выдающихся имен нашей литературы.

В Пензенской области прошли детские годы Радищева, Белинского, Лермонтова, Слепцова. Здесь бывали Державин, Крылов, Денис Давыдов, Вяземский, Лесков, Короленко. Сюда ездил Лев Толстой. Уроженцами Пензенской области были Загоскин и Куприн. В самой Пензе учился Белинский, жил сосланный Огарев, служили Лажечников и Салтыков-Щедрин; в Пензу приезжал Горький, дважды был и выступал здесь Маяковский.

До сих пор сохранился ряд вещественных памятников, непосредственно связанных с именем того или иного писателя. Цело здание церкви времен Радищева в Верхнем Аблязове; целы дом Белинского в Чембаре и дом Лермонтова в Тарханах; здание пензенской гимназии, в которой директорствовал Лажечников и учился Белинский; дом-дворец в Зубриловке, который упоминает в своей знаменитой оде «Осень во время осады Очакова» Державин; «дуб Крылова» в зубриловском парке; «траншеи» в Тарханах—место детских игр Лермонтова и т. д.

Однако еще интереснее и значительнее «памятники нерукотворные»—многочисленные и разнообразные отражения природы, быта, людей Пензенской области в творчестве писателей. Впечатлениями от Верхнего Аблязова и его окрестностей подсказаны некоторые места радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», Воспоминаниями о Тарха-

нах овеяны многие творения Лермонтова. Пензенской действительностью порожден ряд произведений Лескова, как и некоторые сатирические очерки и зарисовки Салтыкова-Щедрина. Поводом к одному из ярких и волнующих публицистических выступлений Короленко послужила дикая расправа царской полиции над крестьянами деревни Кромщина Пензенской области.

Обо всем этом и многом другом рассказывается в сжатых, но богатых фактическим материалом и живо написанных заметках, составляющих настоящую книжку. Полезная и интересная и для учащихся, и для литературоведов, и вообще для широкого читателя, эта книжка делает хорошее культурное и патриотическое дело: учит привязанности к родным местам, подымает интерес к их прошлому, приучает бережно и любовно относиться к тому, что от него сохранилось.

Хочется надеяться, что почин автора книжки не останется одиноким, и что соединенными усилиями местных культурных деятелей, энтузиастов и патриотов родного края, будет, в конце концов, составлена своего рода «литературная география» всей нашей необ'ятной, могучей и прекрасной родины.

Проф. Д. Благой.

РАДИЩЕВ

Детские годы Александра Николаевича Радищева прошли в селе Верхнее Аблязово, ныне Кузнецкого района Пензенской области. Затем были годы учения в Москве, Петербурге, Лейпциге, службы в Петербурге.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев показал рубеж знания жизни крестьян, мысли о свободе и счастье которых пронизана вся книга. Ясно, что знание крестьянской жизни Радищев мог почерпнуть прежде всего в Аблязове. Вот почему Верхнее Аблязово — не только колыбель писателя, но и колыбель его знаменитой книги.

Многие впечатления, полученные Радищевым в Аблязове, отразились в «Путешествии». Сын Радищева — Павел рассказывает в своих воспоминаниях, что селом Анненковым, находившимся в пяти километрах от Аблязова, владел одно время помещик Зубов. Это был жестокий крепостник и самодур. Купив Анненково, он обобрал крестьян — отнял у них весь хлеб, скотину, лошадей, кормил крестьян на барском дворе щами из корыт. Провинившихся он сажал в устроенный им острог и держал на цепи. В «Путешествии» этого помещика напоминают и коллежский асессор в главе «Зайцово» и рачительный хозяин — помещик в главе «Вышний Волочок».

В главе «Подберезье» Радищев тепло вспоминает свою аблязовскую нянюшку Прасковью Клементьевну.

Своего аблязовского дядьку Петра Мамонтова, по прозванию Сума, Радищев воспел в поэме «Бова».

Привлеченный к суду за издание «Путешествия» Радищ я показал: «Та книга печатана в собственной его типографии... тискана же она с помощью собственных его людей». Мы не знаем имен печатников «Путешествия», но вероятнее всего это были крестьяне села Аблязово, жившие у Радищева в Петербурге.

Один из аблязовских крепостных Радищева—его камердинер Степанушка добровольно последовал за Радищевым в Сибирь, где Радищев научил его медицине и где Степанушка остался навсегда как «лекарь Степан Алексеев, сын Дьяконов».

Не только детством своим Радищев связан с Аблязовым. Он приезжал сюда в зрелые годы повидаться с родителями и получить их согласие на брак. Трогательную встречу с родителями после долгой разлуки Радищев описал в автобиографической повести «Фаларет Милостивом».

Этот приезд был в 1775 году—вскоре после пугачевского восстания. В Аблязове были пугачевцы. Родителей Радищева с малолетними детьми спасли от гибели их крестьяне. Предание, которое в селе можно слышать в Аблязове, точно называет место, где Радищевы прятались от пугачевцев—овраг, поросший лесом, в 10 километрах от Аблязова.

Последний раз Радищев был в Аблязове незадолго до смерти. Возвратившись из сибирской ссылки, Радищев жил под надзором в своем калужском имении. От приезда у императора Павла позволение съездить к престарелым родителям в Аблязово. Павел разрешил съездить один только раз. Радищев в 1798 году провел в Аблязове. Сохранилось его письмо из Аблязова к графу Воронцову, где Радищев рассказывает о своей жизни в де-

ренье. В деревенской глуши он продолжал неутомимо работать—читал классиков, русские и иностранные журналы, занимался агрономией.

К этому времени относится работа Радищева «Описание моего владения», в которой Радищев хотел научно доказать необходимость освобождения крестьян. Между прочим, труд этот содержит подробное описание агрономических опытов и наблюдений Радищева над «тютняркими черноземом» (Аблязово стоит на речке Тютняр).

* * *

Верхнее Аблязово—большое село. В нем свыше 500 дворов, главная улица тянется на три с половиной километра. В центре села стоит старинная церковь замечательной архитектуры. Церковь эта видела Радищева, она построена его прадедом Григорием Афанасьевичем Аблязовым в 1736 году—за 13 лет до рождения писателя. В церкви похоронен сын Радищева Афанасий.

Рядом с церковью стоял дом Радищевых, в котором прошло детство Александра Николаевича. К сожалению, сейчас этот дом можно видеть только на старинных акварелях и фотографиях. Еще в конце прошлого века последний владелец дома—некий полковник Кузнецов—продал его на снос. Дом разобрали на кирпичи для печек.

Верхнее Аблизово; Дом Радищевых и церковь.

В 1945 году в Аблязове открыт музей, посвященный жизни и деятельности писателя-революционера.

Аблязовские крестьяне гордятся великим земляком. Свой колхоз они назвали «Родина Радищева».

ДЕРЖАВИН
КРЫЛОВ

«Зубриловка есть одно из немногих мест в России, подобных палацам и замкам, коими усеяна Польша»,— писал автор известных «Записок» пензенский уроженец Ф. Ф. Вигель, посетивший Зубриловку в начале XIX века.

Вигель подробно описал Зубриловку, какой она была полтораста лет назад. «Деревня построена внизу и отделяется прудом и плотиною от горы, на которой стоит господский дом, каменный, трехэтажный. В соединении с двумя большими каменными же двухэтажными флигелями, посредством двух предлинных оранжерей и имея подле себя церковь, вели-

зиною превосходящую самый большой уездный собор, дом сей, вся эта масса зданий представляются глазу довольно поразительно».

Почти все это сохранилось до наших дней. Главный зубриловский дом-дворец горел в 1905 году, но в 1906 году восстановлен в прежнем виде. В нем оборудован санаторий. Как и великолепное здание церкви, зубриловский дворец представляет собой выдающийся памятник архитектурного искусства. Постройка дворца и церкви приписывается знаменитому архитектору Кваренги.

Зубриловка (она находится в Тамалинском районе Пензенской области) расположена очень живописно. Усадьба окружена густым старинным парком, который так велик, что в нем легко заблудиться. «Долины, ущелья и пригорки чрезвычайно разнообразят местоположение и беспрестанно производят новые виды» (Вигель). Под горой, на которой стоит усадьба, протекает Хопер.

Усадьба в Зубриловке построена в конце XVIII века. Основателем ее был князь Сергей Федорович Голицын — генерал-майор, флигель-ад'ютант Екатерины II, позднее генерал-губернатор Прибалтийского края.

В Зубриловке не раз бывал знаменитый поэт Гавриил Романович Державин, бывший губернатором в близком к Зубриловке Тамбове и находившийся в дружбе с Голицыным

Дворец в Зубриловке

Одно из лучших стихотворений Державина связано с Зубриловкой. Осенью 1788 года, когда Голицын сражался у стен Очакова, а жена его, по словам Державина, «жила уединенно в селе своем Зубриловке и дожидалась нетерпеливо известия о муже», Державин послал Голицыной из Тамбова свою известную оду «Осень во время осады Очакова». Там есть такие строки:

«И ты спеши скорей, Голицын!
Принесть в твой дом с оливой лавр
Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом».

Другим знаменитым посетителем Зубриловки был великий баснописец Иван Андреевич Крылов.

В конце 80-х—начале 90-х годов XVIII века Крылов, будучи еще совсем молодым человеком, издавал в Петербурге вместе с друзьями-литераторами ряд сатирических журналов—«Почта духов», «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий». Яркая и смелая сатира Крылова, направленная против самодержавия и крепостничества, привлекла внимание властей. По личному распоряжению Екатерины II летом 1792 года в типографии Крылова с товарищи был произведен обыск. Через некоторое время Крылов вынужден был прекратить свою издательскую и литера-

турную деятельность и на многие годы вовсе покинуть столицу.

Он поступил к Голицыну личным секретарем и наставником его детей. Лето 1797 года Крылов провел в Зубриловке.

Вигель, бывший вместе с сыновьями Голицына учеником Крылова, писал о Крылове-учителе: «И в этом деле показал он себя мастером... Он умел возбуждать любопытство, любил вопросы и отвечал на них так же толковито, так же ясно, как писал свои басни». Сохранилось письмо Крылова к его ученице Сумароковой, жившей в доме Голицына. В этом письме чувствуется большая любовь Крылова к детям.

Зубриловские крестьяне сохранили память о Крылове. Один из огромных—почти в три обхвата—дубов зубриловского парка местное население связывает с именем баснописца. Этот дуб так и называют—«дуб Крылова».

ЗАГОСКИН

В двадцати пяти километрах от Пензы расположено село Рамзай. Древний вал, служивший для защиты от татарских набегов, отделяет его от деревни Тужиловка, в которой родился и вырос первый русский исторический романист Михаил Николаевич Загоскин, автор известного романа «Юрий Милославский».

Тужиловку вспоминает Загоскин в своем романе «Искуситель». Он даже сохранил в романе ее подлинное название. Любовно описаны им господский дом на полугоре, дубовые рощи, пруд, овраг, исторический вал и необозримые поля в отдалении.

Около 150 лет прошло со времени, описанного Загоскиным, но господский дом сохранил-

ся (сейчас в нем больница), и грачи, «которых громкий и беспрерывный крик так сроднился с первыми и приятнейшими впечатлениями» молодости Загоскина, попрежнему населяют рощу, и попрежнему с горы, на которой стоит усадьба, открываются любимые писателем виды. «Бывало,—вспоминал Загоскин,—я по целым часам не отходил от окна и не мог налюбоваться обширными полями, которые то расстилались гладкими зелеными коврами, то холмились и пестрели в причудливом разливе света и теней».

Здесь кстати отметить, что еще один писатель оставил нам описание этих мест в старину—известный поэт и мемуарист князь И. М. Долгорукий. Он был в дружбе с родителями Загоскина и называл Рамзай местом, наполненным приятнейших событий и воспоминаний. В «Журнале путешествия из Москвы в Нижний 1813 года» Долгорукий писал о Рамзае: «Природа образовала прекраснейшим рисунком всю эту площадь. Все есть: и горы, и долины, и утесы, и пологости, и цветы, и деревья, и все кстати».

В Рамзае Загоскин, говоря его словами, «взрос, образовался...» Образование заключалось в жадном чтении книг, которыми отец Загоскина запасался на ярмарках (в «Искусителе» Загоскин живо описал покупку книг на ярмарке в Пензе). «Охота к чтению и жажда к знаниям были в нем так сильны,

что он, живя в деревне, мало разделял обыкновенные детские забавы своих сверстников»,—пишет о Загоскине его друг и биограф писатель С. Т. Аксаков.

Приехав в Рамзай на отдых после войны 1812 года, в которой он отличился и был ранен, Загоскин написал комедию «Проказник», положившую начало его литературной деятельности.

Приезжал он и в позднейшие годы, уже будучи известным писателем. В мемуарах «Жизнь прожить не поле перейти» (Записки неизвестной), напечатанных в «Русском вестнике» за сентябрь 1881 года, сообщается о Загоскине:

«Он приехал в Пензу повидаться с матерью и там его чрезвычайно фетировали, давали в честь его обеды, вечера, пили за его здоровье... Я от него была в восхищении, особенно после того, как он прочел нам свой «Благородный театр».

К впечатлениям детства и отрочества, проведенным в Пензенском крае, Загоскин часто обращался в своих произведениях. Для характеристики Пензы в начале XIX века большой интерес представляют сделанные в «Искусителе» описания внешнего вида города, ярмарки, спектакля крепостного театра в Пензе. Белинский, также хорошо знавший быт Пензы того времени, в рецензии на «Искусителя» отметил мастерство этих описаний.

ЛАЖЕЧНИКОВ

Автор известных исторических романов «Ледяной дом», «Последний Новик», «Басурман» Иван Иванович Лажечников в течение трех лет (1821—1824) жил в Пензе, где был директором гимназии и народных училищ губернии. В то время он еще не писал романов и был известен только своими «Походными записками русского офицера».

«Оставив в 1820 году военную службу,—пишет Лажечников,—я стал, следуя своим наклонностям, искать места по учебному ведомству». Ему предоставлялся выбор—Пенза или Херсон. «Я предпочел Пензу, как город ближайший к Москве, имеющий более здоровую местность, нежели Херсон».

Лажечников описал, в каком виде застал он пензенскую гимназию. «Еще в передней послышались мне дикие голоса и между ними крики: ура! Только что я хотел войти в классную комнату, как перед моим носом распахнулась дверь: ватага гимназистов хлынула через нее и едва не сшибла меня с ног. Школьники несли на руках учителя русской словесности, в каком положении — можете догадаться».

Лажечников сменил учителей, заботился о наведении порядка в зданиях гимназии (кроме здания на Троицкой улице, в котором учился Белинский, был дом на Московской — ныне № 11, в котором находилось уездное училище, жили учителя и сам Лажечников, содержавший небольшой пансион для учеников). В здании на Троицкой Лажечников устроил залу для публичных испытаний, оборудовал библиотеку, кабинеты физики и естественной истории.

В письме из Пензы от 22 мая 1823 года, адресованном профессору Победоносцеву в Москву, Лажечников спрашивает:

«Нельзя ли заказать маленький тафтяной шар для пущения во время публичного испытания... Что бы ни стоил таковой, я охотно заплачу. Не знаете ли вы также, где бы можно купить хорошую электрическую машину для разных опытов?»

«Директору Лажечникову,—пишет в своих воспоминаниях бывший ученик гимназии Максимов,—пензенская гимназия много была обязана как внутренним устройством ее, так и отчетливым преподаванием предметов. Он строго следил и за учениками и за наставниками, посещал часто классы во время учения и, как бы заменяя учителя, делал сам вопросы, уясняя ученикам рождавшиеся недоумения, или что-либо трудно понимаемое и поселяя в памяти учеников любовь к науке и ко всему изящному. Особенно оживленным казалось участие его в предметах, касавшихся русской литературы».

В бытность Лажечникова директором училищ было открыто при его энергичном содействии училище в Нижнем Ломове и доведено до конца тянувшееся десять лет учреждение Чембарского уездного училища. При посещении этого училища в 1823 году Лажечников познакомился с мальчиком Виссарионом Белинским. Этому знакомству суждено было превратиться потом в тесную дружбу, не прерывавшуюся до смерти Белинского.

В 1824 году Лажечников был назначен директором казанской гимназии. «Жаль,—пишет он в своих воспоминаниях,—было мне расстаться с моими учениками,... с пензенским обществом, которое меня полюбило, с живописною Пензой...»

БЕЛИНСКИЙ

В 1835 году Белинский писал своим родным в Чембар:

«Хочется вздохнуть воздухом родины, взглянуть на места, где провел детство... Сколько раз сердце просилось, душа рвалась туда, туда!»

Это написано спустя пять лет после разлуки с Чембаром, в котором прошли детские и отроческие годы Белинского. В дальнейшем тоска Белинского по родным местам еще более усилилась. За несколько дней до смерти Белинский мечтал о поездке туда для поправления здоровья.

В письмах и сочинениях Белинского можно встретить и немало резких отзывов о Чембаре. «Пресловутый Чембар!»—иронически восклицал Белинский. В юношеской драме «Дмитрий Калинин», навеянной чембарской действительностью, устами одного из героев он говорит о Чембаре: «Проклятый городишко!» Это не противоречие. Чембар был тесен юноше Белинскому, начинавшему расправлять крылья, но он всегда оставался дорог ему, как родной городок, как место, где прошли годы детства, о которых он потом не мог вспоминать «без слез умиления и сердечной тоски»...

И не лучшим ли доказательством тесной связи Белинского с Чембаром является то, что под своей первой большой статьей «Литературные мечтания» он, находясь в Москве, поставил пометку «Чембар»?

* * *

В центре Чембара есть огромная площадь, поросшая травой. На главной чембарской площади разместились и рынок, и место для демонстраций и митингов, и футбольное поле, и склады, и много других строений, да еще осталось порядочно места. Окнами на эту площадь выходит низенький тесовый домик, выкрашенный в серый цвет. Зелень окружает его со всех сторон. Это и есть тот домик, в котором прошло детство Белинско-

го и о котором он вспоминал в одной из своих рецензий:

«Я снова становлюсь ребенком, и вот уже с бьющимся сердцем бегу по пыльным улицам моего родного городка, вот вхожу на двор родимого дома с тесовою кровлею, окруженный бревенчатым забором... А в доме—гам нет ни комнаты, ни места на чердаке, где бы я не читал, или не мечтал, или позднее не сочинял...»

В 1898 году—юбилейный год Белинского—журнал «Живописное обозрение» с горечью писал:

«Если б почитатели таланта Виссариона Григорьевича взглянули на этот дом, имеющий историческое значение, то не поверили бы своим глазам и пришли в ужас! Владелец этого дома, из желания получить лишних несколько десятков рублей в год дохода, сдает его весь за 300 рублей в год под трактирное заведение самого грязного и низшего сорта».

Сейчас в этом домике, заботливо оберегаемом и взятом под государственную охрану, развернут музей. Шесть его комнат полно и красочно рассказывают о жизни «неистового Виссариона».

Из домика Белинского через террасу мы выходим во двор, где сейчас разрослся уютный садик. Белинский любовно описал, как выглядел двор в годы его детства—он вспо-

Чембар. Дом, в котором прошло детство Белинского.

минал огород, где между грядками бобов и гороха, в лесу пышных подсолнечников пытливый мальчик уединялся для чтения, и маленькую баню при входе в огород, даже среди белого дня пугавшую его детское воображение своею таинственною пустотою, и стог сена, на котором он часто воображал себя то Александром Македонским, то Еруслаком Лазаревичем...

Из садика можно пройти в соседнее здание уездного училища, в числе учеников которого был Белинский. Это также одноэтажное деревянное здание.

Здесь состоялась встреча маленького сына уездного лекаря с писателем Лажечниковым, который в качестве директора училищ Пензенской губернии приехал в Чембар. Его поразили необычайные способности мальчика Белинского. «На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такой уверенностию, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком)»,—вспоминал Лажечников.

* * *

Среди исторических зданий Пензы одно особенно дорого любителям русской литературы. Это угловое двухэтажное здание на улице Кирова, 2 (бывшая Троицкая).

Здание построено в конце XVIII века. В 1804 году в нем была открыта гимназия—

одна из первых в России. В 1825 году поступил в гимназию мальчик Виссарион Белинский, которому суждено было прославить пензенскую гимназию и родной ему Пензенский край.

Другой знаменитый воспитанник пензенской гимназии — академик Ф. И. Буслаев, заставший еще в ней Белинского, описал историческое здание в своих воспоминаниях:

«Вход в гимназию посреди фасада, обращенного на площадь, по нескольким ступеням выводил в длинный коридор, разделявший здание на две половины; тотчас же налево была дверь в первый класс с окнами на площадь, а из него дверь во второй с окнами на задний двор. Над этими классами по тому же плану в верхнем этаже были размещены третий и четвертый, также соединенные дверью. Правая сторона здания внизу была занята двумя квартирами для учителей гимназии... Над ними в верхнем этаже была актовая зала с библиотекой и физическим кабинетом».

За сто с лишним лет, прошедших со времени пребывания здесь Белинского, историческое здание почти без изменений сохранило свой внешний и внутренний вид. В нем и поныне школа. В 1942 году на здании установлена мемориальная доска: «В этом доме учился великий русский критик Виссарион Григорьевич Белинский в 1825—1828 годах».

Учился Белинский неравномерно: хуже всего, как и Пушкин, по математике и превосходно—по истории, русской словесности, естественной истории, географии. Литература уже тогда всецело поглощала его интересы. «Бывало,—вспоминал учитель Попов,—когда отправлюсь с учениками за город, во всю дорогу, пока не дойдем до засеки, что позади городского гулянья, или до рощи, что за рекой Пензой, Белинский пристает ко мне с вопросами о Гете, Вальтер Скотте, Байроне, Пушкине, о романтизме и обо всем, что волновало в то доброе время наши молодые сердца».

По русской словесности Белинский отличался такими успехами, что гимназическое начальство поручило ему взамен выбывшего учителя обучать учеников первого класса. В числе них был, между прочим, Буслаев, писавший впоследствии, что под руководством Белинского он впервые узнал и полюбил русскую словесность.

«Ни одна минута не проходила у него даром: он или читал, или списывал что-нибудь прочитанное в тетрадь, или беседовал с отдельными людьми, или предавался в одиночку размышлениям»,—говорится в воспоминаниях Иванова о гимназисте Белинском.

Часы досуга, как сообщает Иванов, посвящались у Белинского чтению журналов, поэтических произведений, беседе с товарищами

Пенза. Здание гимназии, в которой учился Белинский.

к театру. «Он страстно любил театральные зрелища»,—вспоминал о Белинском-гимназисте его сверстник Иванисов. Крепостной театр помещика Гладкова находился близко от гимназии, рядом с зданием Дворянского собрания (ныне Дворец пионеров).

Чрезвычайно интересно, что соседом Белинского в первом классе был сын крепостного, но имени Дмитрий Калинин. Этот юноша впоследствии назвал Белинский свою знаменитую антикрепостническую драму, послужившую главной причиной его исключения из университета.

Фамилия Белинского, как известно, происходит от названия села Белынь (ныне Пензенского района Пензенской области), где его прадед служил священником. «Его и называли все в Пензе, где я с ним познакомился, Белынским,—говорится в воспоминаниях Иванисова.

* * *

На тракте из Чембара в Пензу, который несколько раз в год проезжал гимназист Белинский, направляясь на каникулы домой и возвращаясь в гимназию, находится село Вадинино (ныне Каменского района). Здесь Белинский останавливался у родственников своего отца—помещиков Вадиминых.

Часто посещал он это село и в раннем детстве. Родственница Белинского—Надежда Николаевна Щепина передавала с его слов

воспоминание о том, как «после детских игр и об'ядений» во Владыкине Белинский с братьями и сестрой «на антресолях высоких барских хором, в сумерки, жадно слушали [illegible] воспоминания о походах [illegible] солдата суворовских времен». О широкой площади села Владыкина, напоминавшей ему детство, Белинский вспоминал перед смертью.

Владыкино памятно также тем, что отсюда в 1829 году Белинский отправился в Москву для поступления в университет. Он описал этот от'езд в «Журнале моей поездки в Москву и пребывание в оной».

Из Владыкина вышел известный художник, академик, живописец Кирилл Антонович Горбунов (1822—1893), в судьбе которого близкое участие принимал Белинский. Горбунов был крепостным Владыкиным. Белинский [illegible] «Кирбиша», как он называл Горбунова, переехать в Петербург и получить «вольную». Лучшие и наиболее известные портреты Белинского и Лермонтова выполнены Горбуновым.

Во Владыкине сохранились запомнившаяся Белинскому широкая площадь и часть помещичьего дома. Сейчас в нем школа. И до сих пор в школьном зале целы антресоли (балкон), на которых будущий великий критик получал первые уроки родной истории из уст суворовского солдата.

ЛЕРМОНТОВ

В пестрой толпе петербургского бала, «при звуке музыки и пляски». Лермонтов уносился мыслями в пензенскую глушь, в родные и милые сердцу Тарханы:

«И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд
А за прудом село дымится—и встают
Вдали туманы над полями».

(«Первое января»).

В Тарханах Лермонтов рос. «Странная тоска» теснила грудь его при воспоминании о Тарханах. Это—незабываемые впечатления

...етства воспоминания о пережитом и перечувствованном в родных местах.

Здесь колыбель его творчества. На первой своей поэме «Черкесы» он обозначил точно, где она написана: «В Чембаре. За дубом». Тарханы находятся в 17 километрах от Чембара. В Тарханах Лермонтов узнал и полюбил народ и природу России.

Тарханы — удивительный уголок. В Пензе мало людей, бывавших в Тарханах не раз, но спросите любого — каждый ответит, что хочет снова побывать там. Уезжая из Тархан, задаешься мыслью — скоро ли удастся посетить эти места в другой раз...

В чем секрет этого очарования? Трудно сказать. Очевидно, тут гармонически слились воздействие живописной природы, ощутимая близость Лермонтова, обаяние его поэзии.

Представьте густой старинный парк, расположенный на склоне горы, круто спускающейся к пруду. Тенистые аллеи пересекают парк в разных направлениях. Ничто, кроме шелеста листьев и пения птиц, не нарушает тишины. Здесь ощутимы и осязаемы лермонтовские строки, навеянные Тарханами:

«В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами».

Здесь каждый уголок напоминает о Лермонтове. Вот остатки вяза, на котором висели качели маленького Миши, вот «беседка

тайная», описанная Лермонтовым в юношеском стихотворении «Цефиндл», вот дуб, посаженный по преданию, им самим, вот переживший столетие следы «разрушенной теплицы», вот так называемые «грашки»—место военных игр Миши Лермонтова с деревенскими ребятишками.

Почти все, что написал Лермонтов, имеет автобиографическое значение. Для познания детства Лермонтова ценнейший материал дает неоконченная повесть «Я хочу рассказать вам...» Под именем Саши Арбенина Лермонтов описал себя. Вот как выглядел дом, в котором прошло детство Саши:

«Барский дом был похож на все барские дома: деревянный, с мезонином, выкрашенный желтой краской».

Этот дом, красиво выделяющийся среди зелени, перед нами...

Интересна его история. После смерти бабушки Лермонтова дом решили продать на слом. Уже начали его разбирать, но, к счастью, все разошлось из-за 50 рублей, и сделка не состоялась... В дореволюционное время много раз писалось о запустении и Тарханах и пренебрежении к памяти Лермонтова. В журнале «Исторический вестник» за декабрь 1911 года можно прочесть следующие строки:

«Разве мы умеем беречь реликвии наших великих людей? Разве не известно

Белым пятном на этом фоне выделяется многогранная часовня—последнее пристанище тела Михаила Лермонтова находится на расстоянии полукилометра от дома и парка.

Стены часовни касаются ветви одиноко растущего дуба. Его посадила бабушка Лермонтова, выполнившая предсмертное желание поэта:

«Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел».

Каменные ступени ведут в склеп, где стоит свинцовый гроб Лермонтова. В этом гробу тело Лермонтова привезено из Пятигорска. В памяти оживают роковой июльский вечер у подножия Машука, выстрел Мартынова, ливень, гроза, печальный и долгий путь свинцового гроба в Тарханы... Чувство скорби и горечи, испытываемое в склепе, где спит Лермонтов «холодным сном могилы», гениально выразил он сам в стихах на смерть Пушкина:

«Умолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать».

Мы поднимаемся из сырого и холодного склепа наверх, к солнцу, видим знамена и венки над могилой любимого поэта. Рядом, надписи, прикрепленные к гробу, бесконечные записи в книге посещений. И постепенно

Тарханы; Памятник на могиле Лермонтова

ВЯЗЕМСКИЙ

ник. В Мещерском Вяземский плодотворно работал и вел оживленную переписку с друзьями, в том числе с Пушкиным.

Можно сказать, что во время пребывания Вяземского в Мещерском там господствовал культ Пушкина. «Здесь тебе поклоняются и тебя обожают»,—писал Вяземский Пушкину, приглашая его приехать в Мещерское и Пензу. Жена Вяземского вышивала Пушкину подушку, портрет Пушкина висел в ее комнате. Возвращенный в Мещерском перевод романа «Адольф» французского писателя Бенжамена Констана Вяземский посвятил Пушкину. «Принявшись переводить на досуге в деревне, мысленно относился я к суду твоему»,—писал он в посвящении. Описывая в стихах поэтическую красавицу Всеволожскую, Вяземский не находит лучшего сравнения, чем сравнение ее со стихом Пушкина:

«Все в ней так молодо, так живо,
Так не похоже на других,
Так поэтически игриво,
Как Пушкина веселый стих».

В письмах Пушкина чувствуется большое расположение к Вяземским, интерес к их деревенской жизни. «Что делаете вы, бесподобная княгиня, в вашей саратовской степи?»—писал он жене Вяземского. За поэтический портрет Всеволожской он благодарит Вяземского «умом и сердцем». Он собирался поехать с Вяземским в Пензу.

В Мещерском Вяземский написал несколько стихотворений, об'единенных общим заглавием «Зимние карикатуры. Отрывки из журнала зимней поездки в степных губерниях». Они очень понравились Пушкину. «Стихи твои прелесть»,—писал Пушкин Вяземскому о «Зимних карикатурах».

Большое стихотворение Вяземского «Станция», написанное в Мещерском, привлекло особое внимание Пушкина. Двадцать строк из него он включил в примечания к «Евгению Онегину», иллюстрируя свой рассказ о русских дорогах («Теперь у нас дороги плохи»). Эпиграф к повести Пушкина «Станционный смотритель» («Коллежский регистратор, почтовой станции диктатор») также взят из «Станции» Вяземского.

Стихотворением Вяземского «На новый 1828 год», написанным в Мещерском, Белинский закончил статью о русской литературе 1843 года. Знаменитое сатирическое стихотворение Вяземского «Русский бог», впервые напечатанное Герценом за границей и переведенное затем на немецкий язык специально для Карла Маркса, также связано с пребыванием Вяземского в Мещерском. Он сообщил об этом в письме: «Дорогою из Пензы, измученный и сердитый, написал я и сотворил следующую песню».

В «Старой записной книжке» Вяземского есть любопытные заметки о Пензе. Пенза

Пенза понравилась Вяземскому: «город не только хорошо выстроенный и летом должен быть живописен». В письме к приятелю своему А. Я. Булгакову он писал: «Вот проеси и губернаторы в Пензу, а я пойду к тебе в ани. Город очень приятный».

ДЕНИС ДАВЫДОВ

«Пенза — моя вдохновительница. Холм, на коем лежит этот город, есть мой Парнас с давнего времени, здесь я опять принялся за поэзию».

Эти слова написал Денис Давыдов, знаменитый поэт-партизан, герой Отечественной войны 1812 года.

Выйдя в 1831 году в отставку с чином генерал-лейтенанта, Давыдов поселился в своем имении Верхняя Маза (недалеко от Сызрани). Отсюда он не раз посещал Пензу.

«Поклонник красоты, он умел ее отыскать», как писал он о себе в автобиографии, содержавшей по словам его друга поэта Вяземского «до самой кончины изумительную молодость сердца и нрава». Давыдов увлекся пензенской красавицей Евгенией Дмитриевной Золотаревой.

Увлечение Золотаревой ярко отразилось в поэзии Давыдова. После зимы 1833—1834 годов, проведенной в Пензе, Давыдов сообщал Пушкину: «Знаешь ли, что струны сердца моего опять прозвучали? На-днях я написал много стихов, так и брызгало ими». Об этом же он писал Вяземскому: «Я теперь в моем поэтическом... Золотарева как будто прорвала заглохший источник. Последние стихи — сам скажу, что хороши —

Лирические стихотворения Давыдова — «Вальс», «Речка», «И моя звездочка», «На голос известной русской песни», «Выздоровление» и многие другие вдохновлены Золотаревой и посвящены ей. Под некоторыми из них значится пометка «Пенза». Приведем отрывок из стихотворения «Я вас люблю»:

«Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы,—
Я мог бы вас любить глухим, лишенным
зренья..
Я вас люблю затем, что это—Вы!»

Увлечение поэта Золотаревой, дружеское общение и переписка с ней, насыщавшая

[illegible] Давыдова продол-
жались в течение двух с половиной лет, на-
званных Давыдовым временем его счастья.
Это было также временем нового расцвета
его поэзии.

В Пензе у Давыдова был обширный круг
друзей и знакомых. В письме к Пушкину от
[illegible] октября [illegible] года Давыдов писал: «я
ездил с [illegible] в Пензенской губернии с
старинным моим [illegible] 1812 года
Бекетовым...» Пензенскому Бекетову Давыдов
посвятил эпиграмму «Ученый разговор».
Другому пензенцу-помещику, агроному-писа-
телю Сабурову Давыдов посвятил другую эпи-
грамму «Мудрец [illegible] собакой [illegible]...» Обе эпи-
граммы были посланы Давыдовым Пушкину,
которого он называл своим «парнасским от-
цом и командиром», и напечатаны в пушкин-
ском журнале «Современник».

ОГАРЕВ

«А я здесь проехал мимо большого дома, где наверху полукруглое окошечко, воздух был весенний,—славное время пришло на память».

Так писал в 1842 году из Пензы Николай Платонович Огарев.

Бывший губернаторский дом в Пензе (ныне Советская площадь, 5) многими воспоминаниями связан с жизнью Огарева—выдающегося русского поэта-революционера, друга и соратника Герцена.

Сюда 14 апреля 1835 года двадцатидвухлетний Огарев был привезен из Москвы в сопровождении жандарма и сдан губернатору

Панчулидзеву под расписку. Огарев был выслан из Москвы «под строгий надзор местного начальства и наблюдение отца» по делу о лицах, певших на вечеринке «пасквильные стихи». Ему вменялось также в вину, что он вел с титулярным советником Герценом переписку, наполненную свободомыслием; в показаниях своих являлся упорным и скрытным фанатиком». Говоря словами самого Огарева, он был «юношей страстно-мятежным».

В нижнем этаже губернаторского дома находилась канцелярия, куда с первых дней приезда в Пензу Огарев был определен на службу. «Я езжу в канцелярию, в глупейшую канцелярию»,— писал Огарев Герцену, который в это время также томился в ссылке.

Панчулидзев даже в николаевской России выделялся своими злоупотреблениями и произволом. Огарев в письмах не называет Панчулидзева иначе как сатрапом. «...Я в городе под гнетом сатрапа»,— писал он Герцену. Четверть века спустя в отрывке «Кавказские воды», напечатанном в герценовской «Полярной звезде», Огарев отметил, как характерное впечатление пензенских лет, злостные лица, которые он «привык встречать под разбойнически-отеческим управлением Панчулидзева и пензенских чиновников и помещиков».

Но не только мрачными воспоминаниями связан губернаторский дом с жизнью Огарева.

Панчулидзев был любителем музыки, причудливо сочетая в себе «мецената и зверя», как назвал его Н. С. Лесков в рассказе «Загон». Он держал большой оркестр из своих крепостных. Огарев страстно любил музыку, сочинял ее («я пишу стихи и ноты», — сообщал он Герцену), и немало светлых часов было проведено им на концертах в зале на втором этаже губернаторского дома. Этот зал сохранился.

Здесь же познакомился Огарев со своей будущей женой — Марией Львовной Рославлевой. Она была племянницей Панчулидзева и жила в этом доме на третьем этаже «в светелке с полукруглым окошечком», отмеченным Огаревым. Вот как изобразил Огарев свое объяснение с будущей женой (очевидно, оно происходило в этом доме):

«В зале, освещенной огнями, теснились люди и думали — веселиться. И в шумном говоре звенело бездушное слово, и жалкая мысль выливалась в многосложные речи... Вдалеке от толпы сидели дева и юноша. Их взоры с любовью тонули во взорах друг друга... И сознание симпатии глубокой электрической искрой пробежало по душам их, и сердца их забились с одинакою силой».

Брак Огарева с Рославлевой был несчастлив (история их отношений навеяла Тургеневу образы Лаврецкого и его жены в романе «Дворянское гнездо»), но первые три года

Пенза. Бывший губернаторский дом, в котором служил Огарев.

проведенные в Пензе, были лучшими. «Я люблю этот город за все то, что он мне дал»,— писал Огарев о Пензе в 1842 году.

Теплые чувства к городу своей молодости Огарев сохранил навсегда. В 1877 году на далекой чужбине—в Англии умиравший старик Огарев видел Пензу во сне и сон свой записал в стихах:

«Вот сон: в'езжаю с Мери в край родной
Дней юной ссылки старый город мой...»

* * *

«Я думаю, кончится тем, что я поселюсь где-нибудь между Яхонтовым и Старым Акшином... Итак, да здравствует Старое Акшино и сельская жизнь в России!»—писал Герцен из Парижа в 1848 году.

Огарев, которому адресованы эти строки жил в это время в своем родовом пензенском имении Старое Акшино (ныне оно находится в Мордовской АССР, в 33 километрах от Саранска). В одном из писем этого времени он писал:

«Я переживаю какую-то поэтическую эпоху моей жизни... После завтрака я отправляюсь верхом по полевым работам или по лесоводству. В этом проходит часа четыре. Потом дома что-нибудь поделаешь. Потом обед. Потом иду бродить. Прихожу и распределяю работы на завтрашний день, при сем толкую

с час с мужиками. Потом пишу или часа часов до 3-х или 4-х ночи».

П. А. Огарева-Тучкова дополняет этот рассказ:

«В эту эпоху Огарев писал очень много. Кроме того он любил заниматься музыкой, химией — я была его лаборантом. В деревне к нему ходило много больных».

Огарев был влюблен в Акшино, в котором он рос и с которым было связано для него много отрадных воспоминаний. Акшино отображено во многих стихотворениях и поэмах Огарева. Любовь Огарева к Акшину выражена с большой силой в стихотворении «Желание покоя»:

«Опять они, мои мечты,
О тишине уединенья,
Где в сердце столько теплоты,
И столько грусти и стремленья
О, хороши мои поля,
Лежат спокойны и безбрежны
Там протекала жизнь моя,
Как вечер ясный, безмятежный.
Хорош мой тихий, светлый пруд,
В него глядится месяц бледный,
И соловьи кругом поют,
И робко шепчет куст прибрежный
Хорош мой скромный, белый дом!
О, сколько сладостных мгновений,
Минут любви я прожил в нем,
Минут прекрасных вдохновений

. . . . . .

Опять душа тоски полна
И просит прежнего покоя;
Привыкла там любить она,
Там гроб отца, там все родное...»

Огаревская усадьба давно уже не существует, но живописный природный ансамбль, воспетый Огаревым, сохранил свои основные черты. Как памятник прошлого, возвышается над селом красивое здание церкви, построенной в 1785 году дедом Огарева—Богданом Ильичем. У стен ее похоронены близкие и друзья Огарева и Герцена—поэт Николай Михайлович Сатин, декабрист Алексей Алексеевич Тучков, Наталья Алексеевна Огарева Тучкова, отец Огарева—Платон Богданович.

Яхонтово, которое упоминал Герцен в письме к Огареву, находится в 35 километрах от Старого Акшина (ныне село Долгоруково Иссинского района Пензенской области). Здесь была усадьба А. А. Тучкова, которую часто посещал Огарев, женившийся вторым браком на дочери Тучкова. В поэме «Зимний путь» Огарев описал дорогу из Акшина в Яхонтово. Усадьба в Яхонтове сгорела еще до революции.

В 25 километрах от Пензы, в Бессоновском районе, находится село Чертково, в котором также была усадьба Огарева. От нее сохранились только хозяйственные постройки

Герцен включил в «Былое и думы» отрывки из писем Огарева, написанных в Черткове. Под некоторыми стихотворениями Огарева стоит пометка «Чертково».

В 1841 году Огарев писал жене Марии Львовне из Франценсбруина (Германия):

«Я вспомнил Чертково и тебя. Чертково и ты для меня неразделимы. Нигде и никогда я не был так счастлив!».

ЛЕСКОВ

В рассказе «Владычный суд» Николай Семенович Лесков вспоминал:

«С прекращением крымской войны и с возникновением гласности и новых течений в литературе, немало молодых людей оставили службу и пустились искать занятий — при частных делах, которые тогда вдруг расширились довольно широко. Этим движением был увлечен и я.

Мне привелось примкнуть к операциям одного английского торгового дома, по делам которого я около трех лет был в беспрестанных раз'ездах».

Эти три года — с 1857 по 1860 — Лесков считал лучшим временем своей жизни. «За три

годы моих разъездов по России», складывается багаж, которого хватило на всю жизнь и которого не наберешь на Невском и в петербургских канцеляриях».

Базой Лескова, откуда он выезжал и куда периодически возвращался, было село Николаевское-Райское Городищенского уезда, в 40 верстах от Пензы. Там находилась контора и предприятия торговой компании «Скотт и Вилькинс», одним из директоров которой был дядя Лескова—обрусевший англичанин Александр Яковлевич Шкотт.

По делам компании Лесков часто бывал в Городище и Пензе, ездил по Пензенской губернии. И пензенские впечатления широко отразились в творчестве Лескова.

У Лескова есть рассказ «Железная воля». Это—история бесславно погибшего немца, стремившегося «все подчинить» себе, ибо он, по его словам, обладал «железной волей». Действие рассказа происходит в Пензе, под именем Гуго Пекторалиса выведен сослуживец Лескова в Райском—немецкий инженер Крюгер. В этом рассказе описана, между прочим, несуществующая ныне в Райском усадьба.

В знаменитом «Очарованном страннике» Лесков описал конскую ярмарку в Пензе. В рассказах «Белый орел» и «Умершее сословие» он дал характеристику пензенского губернатора Панчулидзева. В «Мелочах архи-

«рутвой жизни» Лесков взял женского архиерея Варлаама.

Но самое яркое отображение современной и предшествовавшей ему пензенской действительности Лесков дал в рассказе «Загон». Рассказ этот отмечен Горьким в его статье о Лескове («Лесков в рассказе «Загон» интересно описал, до чего крепко привыкли мужики к своей «курной» избе»).

В «Загоне» рассказывается, как пензенский помещик Всеволожский построил в селе Райском каменные избы для крестьян, переведенных из Орловской губернии. Но крестьяне забраковали «каменную деревню», построили «на залах» курные избы и стали жить в них без труб, в тесноте и копоти, а свои просторные каменные дома определили «ходить до ветру» .. «И деды наши не жили в камени, и мы не станем». Шкотт, владевший Райским после Всеволожского, также не смог заставить крестьян жить в каменных домах. И Шкотт пришел к выводу, что в России «ничего хорошее не годится».

Лесков, описавший в «Загоне» свой спор со Шкоттом, не сумел разубедить его.

Судьба «каменной деревни» продолжала занимать Лескова спустя много времени после отъезда его из Пензенской губернии. В 1884 году он напечатал газетную заметку «О крестьянских вкусах», в которой, вспомнив случай в Райском, писал:

«Так было 23 года назад, когда я знал село Райское. Любопытно было бы узнать от кого-нибудь из пензяков, так ли же остается это там и поныне; или вкус крестьян изменился, и они снова обратили свой «всеволожские хоромы» (т. е. построенные Всеволожским.— А. Х.).

В 1945 году я посетил Никольское-Райское и с изумлением увидел дожившие до наших дней каменные избы, построенные Всеволожским свыше ста лет назад. В них живут крестьяне.

Райское — единственное в округе село, где много новых каменных домов, построенных уже самими крестьянами в годы советской власти. Крестьяне объясняют, что каменная изба гигиеничнее, [illegible], и хороша «от грешной стати» (пожара)

Время подтвердило, что и в споре Лескова о Шкоттом был прав Лесков.

* * *

Пензенский край принес много в биографию и творчество Лескова. Здесь впервые был оценен его административный талант, и здесь же он собрал первые материалы для начала литературной работы. Он сам оставил свидетельства об этом.

В заметке «О себе самом» Лесков сообщал: «Письма, писанные из разных мест к одному родственнику, жившему в Пензенской губер-

ния (А. Я. Шкотту), заинтересовали Селиванова, который стал их спрашивать, читать и находил их «достойными печати», а в авторе их пророчил «писателя».

В предсмертной беседе с корреспондентом «Петербургской газеты» Лесков вспомнил и рассказал об этом решающем эпизоде своей жизни более подробно:

«Я писал отчеты в форме писем — писал так интересно, что когда в доме Шкотта получался синенький конвертик, все — и домашние, и бывавшие у него часто соседи говорили: «от Лескова» и заставляли хозяина читать письмо вслух. Одним из многочисленных соседей Шкотта был почти совершенно позабытый теперь, но в свое время очень известный писатель Селиванов... Он первый обратил внимание Шкотта на литературные достоинства моих писем».

Первое произведение Лескова было посвящено пензенским делам. Это «Очерки винокуренной промышленности (Пензенская губерния)». На сохранившемся журнальном оттиске «Очерков» рукою Лескова сделана следующая надпись: «Лесков. 1-я проба пера. С этого начата литер.(атурная) работа (1860 г.)»

СЛЕПЦОВ

«У нас есть огромная литература интересных, которых мы совсем не знаем и которая может дать и чувству и мысли значительно больше того, что дают сейчас»,— писал А. М. Горький в 1912 году. И тут же указывал: «Хорошо подумать с Помяловским и Слепцовым».

Горький оценил Слепцову статью, в которой писал, что «крупный, оригинальный талант Слепцова некоторыми чертами сродни чудесному таланту А. П. Чехова». Это же говорил Л. Н. Толстой, считавший Слепцова и Чехова лучшими после Гоголя представителями юмора в нашей литературе. Ростки

Слепцова «Питомка» Толстой часто читал вслух своим гостям в Ясной Поляне

Василий Алексеевич Слепцов подростком был привезен в имение отца—село Александровку (ныне Сердобского района Пензенской области), воспитывался в Пензенском дворянском институте. В зрелые годы Слепцов не раз приезжал в Александровку.

Самое значительное произведение Слепцова—повесть «Трудное время». В повести несколько раз упоминаются Саратов и Пенза и это позволяло думать, что действие повести Слепцов развернул в родных местах.

Я посетил Александровку и убедился в правильности этой догадки. Усадьба Слепцовых не сохранилась, но Александровку можно узнать по описаниям в «Трудном времени». В начале повести говорится: «Направо, в саду на пригорке—помещичий дом. В самом низу под горою шумит водяная мельница». Так и было в Александровке при Слепцове, и следы этого сохранились: видны остатки плотины под горой, и заметно место, где был помещичий дом на пригорке. Город, о котором много говорится в повести и куда ездили герои повести Рязанов и Щетинин, несомненно, Сердобск.

Думается, что и в своих крестьянских рассказах Слепцов изображал народный быт родных ему мест. Намеки на это есть и в рассказах «Ночлег» и «Свиньи». В «Ночлеге»

мужикам задают вопрос: «Кирсановские будете?» (то есть, Кирсановского уезда, соседнего с Сердобским). Рассказ «Свиньи», как сообщал сам Слепцов, основан на подлинных фактах. Можно догадаться, что он изображает переполох во время приезда князей Куравиных в их селе Куравино, находящемся в Сердобском уезде. В рассказе село именуется «Куравино».

Слепцов всю жизнь ездил по России, но последние дни свои провел в родных местах. Он лечился в Бекове, затем в Куравине, где жил в доме управляющего имением, и, наконец, в Сердобске. 4 апреля 1878 года он умер от рака желудка. В Сердобске, на Первомайской (бывшая Крестовоздвиженская) улице, 30 находится дом, в котором умер Слепцов. Дом этот сейчас перестроен.

Могила Слепцова находится в Сердобске на городском кладбище. В 1946 году на ней поставлен новый памятник

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

9 декабря 1864 года в «Пензенских губернских ведомостях» появилось следующее сообщение:

«Г. министр финансов приказом от 5 ноября 1864 года за № 38 уволил председателя Пензенской казенной палаты действительного статского советника Коренева от службы, согласно прошению по болезни, а на место его определили на оставшуюся статского советника Салтыкова».

Статский советник Салтыков был уже тогда хорошо известен читающей России как М. Щедрин—автор знаменитых «Губернских очерков».

Переезду в Пензу предшествовали два года напряженной и трудной работы Салтыкова в некрасовском журнале «Современник». Преследования цензуры измучили Салтыкова. А. И. Панаева рассказывает в своих «Воспоминаниях» такой характерный случай:

«Салтыков явился в редакцию в страшном раздражении и нещадно стал бранить русскую литературу, говоря, что можно поколеть с голоду, если писатель рассчитывает жить литературным трудом, что он не заработает и на прокорм своей старой лошади, на которой приехал, что одни дураки могут посвящать себя литературному труду при таких условиях, когда какой-нибудь вислоухий камергер имеет власть не только исказить, но запретить печатать умственный труд литератора, что чиновничья служба имеет перед литературой хотя то преимущество, что человека не грабят... Салтыков уверял, что он навсегда прощается с литературой, и набросился на Некрасова, который, усмехнувшись, заметил, что не верит этому»

Этот рассказ отчасти (были и другие, внутриредакционные причины) об'ясняет, почему вскоре уже через три года после своей отставки с поста тверского вице-губернатора Салтыков снова поступил на службу. Он подал прошение министру финансов об определении его на открывшуюся вакансию председателя

казенной палаты в Полтаве, но получил назначение на эту же должность в Пензу.

Казенная палата — губернский орган министерства финансов по департаменту государственного казначейства — была сугубо бюрократическим учреждением, ведавшим дела по текущим расходам и доходам в губернии, по отчетности и сбору податей и сборов, тяжебные дела, сопряженные с казенным интересом, и т. п. Председатель или, как его тогда называли, управляющий казенной палатой считался вторым после губернатора лицом в провинциальной администрации.

Брюсов был прав, предвидя, что Салтыков не будет с литературой. Спустя три месяца после приезда в Пензу Салтыков писал Некрасову, что он и сделает ему нечто для напечатания в «Современнике», сообщал, что в августе привезет в Петербург повесть, просил выслать ему новые книги для рецензий. Он задумал создать в Пензе серию публицистических «Писем издалека». Своему другу Анненкову Салтыков сообщал, что в Пензе у него начинают складываться очерки города Брюхова.

Этим намерениям не суждено было осуществиться: служба забирала у Салтыкова все его время. «Я весь погряз в служебной тине, которая оказывается более вязкою и засасывающею, нежели я предполагал,—писал Салтыков Анненкову.—Даже и беспорядочное

…нейшей казенной палаты невозможно себя представить; мало того, что она отнимает у меня все время, но, что всего хуже, я не имею ни малейшего повода заключить, чтоб труд мой принес какой-нибудь плод для меня в будущем, т. е. чтобы я когда-нибудь мог приобрести необходимый для меня досуг».

И действительно, за два года, проведенные в Пензе, Салтыков почти не писал — в печати появилась одна лишь его статья «Завещание моим детям».

Быть может, причиной этого было также обстоятельство, о котором Салтыков писал в 1859 году Дружинину из Рязани: «Жизнь провинциальная (не смешивайте ее с деревенскою) вовсе не удобна для литературных трудов. Надо быть вдали от гадостей этой жизни, чтобы достойно воспевать их».

Зато в последующий — после второй и последней отставки (в 1868 году) — кипучий период литературной деятельности Салтыкова пензенские впечатления нашли отражение и в «Письмах о провинции», и в «Помпадурах и помпадуршах», и в «Пошехонских рассказах», и в «Истории одного города». Правда, их трудно выделить, так как они отражены в форме сатирических обобщений и типов.

Вот один из примеров отражения пензенской действительности у Щедрина. В «Письмах о провинции» Щедрин пишет: «Кто поверит, например, чтобы в губернии мог заим-

нять видное место и жертвовать человек, значащийся по всем документам умершим?» Пенза здесь не названа, но именно такой случай был в Пензе при губернаторе Панчулидзеве, скрывавшем под видом умершего своего приближенного от суда.

В «Помпадурах и помпадуршах» в очерке «Сомневающийся» имеется такое место: «Он еще в кадетском корпусе слышал, что есть на свете явление, именующееся «борьбою с законом». Что многие боролись успешно, но многие же и изнемогали в этой борьбе. Так, например, один губернатор более двух де сятилетий боролся, и даже чуть-было не по бедил, но приехал ревизор и сразу заставил победителя положить оружие». Это также несомненно о Панчулидзеве, правившем в Пензе 28 лет и отставленном после ревизии сенатора Сафонова.

Однако в ряде случаев пензенская действительность названа у Щедрина своим именем или легко угадывается. В «Пошехонских рассказах» есть любопытная характеристика пензенского дворянства. В очерке «Испорченные дети» и неоконченном рассказе «Приятное семейство» Щедрин дал едкую сатиру на жизнь пензенского общества (Пенза обозначена здесь как город П ***).

Выразительный образ пензенского дворянина («корнета», по терминологии Щедрина) Вани Поцелуева сатирически нарисовал в очерках

«В больнице для умалишенных», продолжающих «Дневник провинциала в Петербурге».

Салтыков-администратор оставил по себе в Пензе хорошую память. Живший в Пензе сын Салтыкова — Константин Михайлович в своей книжке «Интимный Щедрин» передает рассказ одного служащего пензенской казенной палаты о том, как Салтыков выполнил ночью срочную работу писца, заснувшего над бумагой, не желая будить его. По его же почину, Салтыков учредил для служащих палаты библиотеку и кассу взаимопомощи. Некоторые служащие палаты, не желая расставаться с Салтыковым, последовали за ним в Тулу и Рязань.

Отношения с губернской администрацией у Салтыкова сложились плохие. Уже в первом письме из Пензы он дал уничтожающую характеристику губернатора Александровского. Излагая карьеру Александровского — человека с уголовным прошлым, Салтыков заключал: «Вот Вам каков Пензенский губернатор; остальные из него немного, если не хуже». Плохие отношения с губернатором были, очевидно, основной причиной перевода Салтыкова в Тулу в ноябре 1866 года.

Яркая личность Салтыкова на провинциальном фоне особенно бросалась в глаза и привлекала внимание жандармерии. Губернский жандарм подполковник Глоба доносил шефу

Пенза. Кабинет Салтыкова-Щедрина в областном музее

жандармов в Петербурге о «неблагонамеренных и дерзких» высказываниях Салтыкова. Так, после покушения Каракозова на Александра II Салтыков «позволил себе выразить свое негодование на государя императора за награду г. Комиссарова» (Комиссаров толкнул Каракозова). Далее Глоба писал: «За г. Солтыковым (так в подлиннике—А. Х.) я постоянно слежу и, по совести, осмеливаюсь доложить вашему сиятельству, что он весьма необлагонадежного (!) образа мыслей и вредного в политическом отношении нравственного направления». При этом особенно удручало Глобу то обстоятельство, что «г. Солтыков, как литератор, во мнении некоторых лиц в Пензе и в особенности в среде служащих по акцизу считается весьма умным человеком и пользуется между ними авторитетом».

Сохранился портрет Салтыкова времени его пребывания в Пензе. Тогда он еще не был стариком с большой бородой, как на портретах Крамского и Ге. «Он был молодым, элегантно одетым, вооруженным золотым пенсне на длинном шнурке, которое он ловко подбрасывал»,—пишет мемуарист, видевший Салтыкова в Пензе.

Памятниками пребывания Салтыкова в Пензе остались здание казенной палаты (на улице Белинского, 12: сейчас в нем помещается областной земельный отдел) обстановка его

кабинета в палате—стол, кресло, часы, находящиеся в областном музее, и хранящиеся в областном архиве дела казенной палаты, содержащие собственноручные резолюции Салтыкова.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

30 августа 1869 года Лев Николаевич Толстой пишет Фету: «Решил окончательно свою поездку в Пензенскую губернию для осмотра имения, которое я намереваюсь купить в тамошней глуши. Еду завтра, 31-го, и вернусь около 14-го»

Пензенскую поездку Толстой описал в неоконченном рассказе «Записки сумасшедшего»:

«Мы скопили с женой деньги от ее наследства и моих свидетельств за выкуп и решили купить имение. Я узнавал тогда везде, где

продаются имения, и читал все об'явления в газетах... Имение с большими лесами продавалось в Пензенской губернии.. Я собрался и поехал. Ехали мы сначала по железной дороге (я ехал с слугою), потом поехали на почтовых перекладных».

Имение, которое хотел купить Толстой, находилось в селе Ильмине Городищенского уезда (ныне Большеньясского района). Толстой ехал по железной дороге до Нижнего Новгорода, а оттуда свыше 300 верст на лошадях через Арзамас и Саранск. «К Саранску начинается чернозем, похожее все на Тулу и очень живописное», — писал Толстой с дороги жене.

В пути, и особенно на ночлеге в Арзамасе, Толстой пережил сложное психологическое состояние. «Вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал», — писал Толстой жене из Саранска. Описанию этих переживаний и посвящены «Записки сумасшедшего».

Состояние, пережитое Толстым в дороге, не оставило его и по приезде на место — в Ильмино.

«Мы приехали вечером. Сторожок страхующий, хотя не радостно (ему досадно было, что продается имение), но хорошо принял меня. Чистые комнатки с мягкой мебелью. Новый блестящий самовар. Крупная чайная посуда, мед к чаю. Все было хорошо. Но и как

старый забитый урод неохотно спрашивал его об имении. Все невесело было».

Пензенского имения Толстой не купил.

Слуга, который сопутствовал Толстому в этой поездке—Сергей Петрович Арбузов, оставил свои воспоминания о ней. Они напечатаны в его книжке «Граф Л. Н. Толстой. Воспоминания С. П. Арбузова, бывшего слуги графа Л. Н. Толстого»

Арбузов сообщает, что Толстой прожил в Ильмине сутки. Он ходил в поле, осматривал пашню и лес. Из Ильмина Толстой поехал в Николо-Пестровку, отстоящую отсюда в 30 верстах.

Николо-Пестровка и тогда уже славилась своим хрустальным заводом, существующим поныне. Владелицей его в это время была Анна Петровна Бахметева, урожденная графиня Толстая. Она приходилась родственницей Льву Николаевичу.

По словам Арбузова, Толстой гостил в Николо-Пестровке четыре дня. Он ходил с Бахметевой по заводу, ездил в церковь, где хорошо пели певчие из заводских рабочих. Из Николо-Пестровки Толстой увез подарок жене—хрустальную посуду.

Арбузов отмечает большую популярность Толстого даже в то время, в провинциальной глуши. И почтовый смотритель в Нижнем Новгороде, и управляющий в Ильмине спрашивали его:

— Это тот граф Толстой, который написал книгу «Война и мир»?

Как раз 1869-й год, когда Толстой сидел в Пензенской губернии, был годом окончания «Войны и мира», которой зачитывалось тогда все русское общество.

КОРОЛЕНКО

«Я уехал из столицы на рождественские праздники далеко в глушь, в саратовскую деревню. Уединенный помещичий хутор, белые поля, купы деревьев, все в белом инее. Почта — в 12-ти верстах, ближайшая железнодорожная станция — в 16-ти. Газеты привозятся не каждый день, да ведь и читать их необязательно. Одним словом, — отдых среди природы!».

Так начинается статья Владимира Галактионовича Короленко «В успокоенной деревне».

Уединенный хутор, куда приехал отдохнуть Короленко, назывался Дубровка. Он находился по соседству с деревней Дубровка, кото-

рая и сейчас существует в Колышлейском районе Пензенской области. Ближайшая железнодорожная станция—Колышлей; ближайшая почта была в селе Трескино.

В Дубровке у своих родственников Малышевых писатель гостил не раз. Между прочим, здесь он дважды «спасался» от юбилейных чествований. Дубровка была дорога Короленко еще и потому, что здесь умерла и похоронена его маленькая, горячо любимая дочка Лена. «Может, приеду сам взглянуть на могилку и на то место, где мы прощались с Леной»,— писал Короленко в 1893 году из Парижа, где он получил телеграмму о смерти дочери.

С пребыванием в Дубровке связано выдающееся общественное выступление Короленко.

Зимой 1911 года писатель хотел поработать в тиши Дубровки над давно задуманным и начатым рассказом «Обычай умер». Он уже приступил к работе и увлекся ею, когда к хозяину хутора—Сергею Андреевичу Малышеву приехали за советом крестьяне из соседней деревни Кромщина. Писатель был потрясен услышанным от кромщинских крестьян. Рассказ был отложен в сторону, вместо него Короленко написал здесь же, в Дубровке, статью «В успокоенной деревне». 4 февраля 1911 года эта статья появилась в газете «Русские ведомости» и вошла потом в собрание сочине-

ний Короленко. Рассказ же «Обычай умер» так и остался неоконченным.

Что же случилось в Кромщине?

У богатого кромщинского мужика Шестеринина темной осенней ночью взломали кладовую и вытащили два сундука. Кто украл— неизвестно. Шестеринин пригласил урядника Иванова из села Трескино и двух стражников. Он выставил им обильное угощение с водкой, и полицейские приступили в избе Шестеринина к производству «дознания».

Крестьян, заведомо невиновных в краже, одного за другим призывали в избу и зверски избивали, чтобы вымучить признание. Били нагайками, кулаками, ногами, железным прутком, душили за глотку, рвали губы, отливали водой и снова били. Крови на стенах и полу комнаты, где происходило истязание, было столько, что в избу пустили собак, которые вылизывали кровь.

Все это очень подробно и ярко рассказал Короленко. При этом он добавил к рассказу, что дело это довольно обычное, не новое, не оригинальное, что установившаяся практика смотрит на такие «происшествия» не как на преступление и вопиющее злодейство, а лишь как на маловажный служебный проступок. Этим писатель подчеркнул большое общественное значение кромщинского дела.

Вмешательство знаменитого писателя, огласившего кромщинское дело в большой москов

В. Г. Короленко в Дубровке.

ской газете, вызвало расследование преступления и не позволило замять его. Короленко с удовлетворением сообщал в письме к дочери Наталье, что в Кромщину приезжал исправник, допрашивавший с газетой в руках, что статью читали на сходах по соседним деревням, и много мужицких голов зашевелилось над газетным листом. В письме к родителям крестьян, подвергшихся истязанию, Короленко давал советы, как добиться правды. Он писал крестьянам деревни Кромщина Семену Трашенкову, Созону Еткаренкову и Семену Коноплянкину:

«Человек не скотина, которую можно бить сколько угодно. Человек имеет права и должен их отстаивать для себя и для других... Нужно, значит, довести дело до конца, чтобы подобные насильники узнали, что им не все дозволено проделывать над мужиками. Тогда и другие остерегутся, видя, что и мужики не бессловесны, что и они иной раз умеют добиться своего права».

Благодаря вмешательству Короленко кромщинское дело закончилось осуждением истязателей.

* * *

Ничего не осталось от хутора Дубровка, где бывал Короленко—в первые годы революции дубровский дом разобрали на школу. На месте, где был хутор, выросла новая де-

ревня—Ульяновка. Не сохранилось и дома в Кромщине, где происходило истязание,—во время коллективизации дом кулака Шестеринина разобрали на колхозные постройки. Это было историческим возмездием. Когда раскулачивали Шестеринина, ему напомнили, как гады лизали в его доме крестьянскую кровь..

ГОРЬКИЙ

Алексей Максимович Горький посетил Пензу в конце января 1901 года. Цель его приезда точно до сих пор не установлена. Полагают, что она носила конспиративный характер, была связана с помощью, которую Горький оказывал большевистским организациям. Это подтверждается тем, что Горький приехал к поднадзорному Ключникову, который вскоре был выслан из Пензы.

В один из дней пребывания в Пензе Горький посетил Пензенское художественное училище, директором которого был академик живописи Константин Аполлонович Савицкий. Вот что рассказал мне об этом посещении сын К. А. Савицкого—известный советский

художник Георгий Константинович Савицкий:

— О приезде Горького и желании его посетить училище отцу сообщил преподаватель истории искусств Блинов, у которого Горький останавливался. Весть эта быстро облетела училище и в нашу квартиру, находившуюся в здании училища, то и дело приходили ученики и преподаватели справляться, когда будет Горький.

Горький пришел к нам с Блиновым. Вскоре подошли художник Грандковский, писатель Ладыженский, делопроизводитель училища Тетерев. Беседа происходила у нас в столовой за чаем. Горький интересовался положением училища и работами отца. Шел разговор также о различных вопросах современного искусства.

Во время беседы, продолжавшейся около двух часов, пришла мысль сфотографироваться. Первый снимок сделал Грандковский, второй — я, чтобы снять и Грандковского.

Затем Горький спросил разрешение посетить мастерскую отца. Идти надо было через картинную галерею и актовый зал. По пути Горький осмотрел галереи.

Помню, что Горький взволновался, услышав что его хотят видеть и слышать ученики. Толпа учеников окружала Горького на площади второго зала. Они встретили появление его аплодисментами. Кто-то из учеников

приветствовал Горького. Горький был этим очень смущен.

В мастерской отца на одном из мольбертов в это время стоял «Гурт»—огромная картина из задуманного отцом цикла «Жизнь быка». «Гурт» привлек особое внимание Горького. Он сказал, что желал бы видеть эту вещь в музее своего родного города — Нижнего Новгорода. Затем Горький осмотрел классы училища и скульптурную мастерскую во дворе.

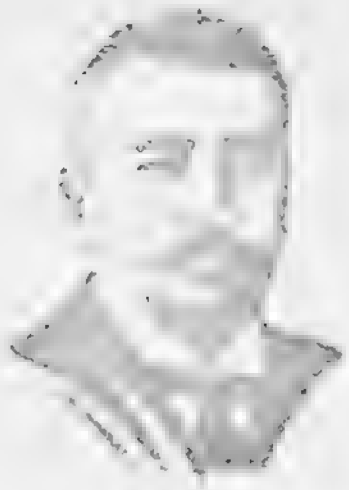
В разговоре Горький высказал желание приобрести пензенский пуховый платок. Горький, мать и я пошли в квартиру пуховщиц-старообрядцев на Никольской улице. Пуховщицы стали доставать платки из сундуков и показывать их Горькому. У меня создалось впечатление, что Горький больше интересовался бытом старообрядцев, чем приобретением платка.

На проводах Горького я не был, но мать рассказывала, что в числе провожающих на вокзале были многие ученики Художественного училища. Когда тронулся поезд, они кричали вслед Горькому, стоявшему на площадке: «Пишите, пишите!..»

Горький одет был в черную тужурку со стоячим воротником, черные брюки, заправленные в сапоги, на нем была широкополая черная шляпа. Держал он себя очень скромно, даже застенчиво. Больше слушал, скуп был на слова. Много курил.

В 1904 году губернатором в Пензе был Хвостов. Горький вспомнил его в 1912 году в статье из цикла «Издалека»: «В бытность своим губернатором Пензы, нынешний губернатор Нижнего Новгорода Хвостов вел себя тихо, курил папиросы с надписью на коробочках «по особому заказу его превосходительства»—инициалы Хвостова, а вот велели ему командовать—и проснулись в нем свойства Федора Карамазова».

Статья эта не была пропущена цензурой



КУПРИН

«Наровчат есть крошечный уездный городишко Пензенской губернии; никому неизвестный, ровно ничем не замечательный».

Так характеризует свой родной город Александр Иванович Куприн в рассказе «Царский гость из Наровчата».

Примечательна и трогательна любовь писателя к месту своего рождения, с которым он расстался еще в трехлетнем возрасте. Жена Куприна—Мария Карловна Иорданская рассказывала мне, что писатель часто обращался к своей матери с просьбой:

— Мамаша, расскажите что-нибудь про Наровчат!

Находясь в московском казенном пансионе, восьмилетний Куприн собирался бежать в родной Наровчат, который в его мечтах преображался в богатый людный город вроде Москвы. Куприн вспоминает об этом эпизоде своего детства в рассказе «Беглецы».

Рассказ «Царский гость из Наровчата» целиком посвящен теме Наровчата. Упоминания о Наровчате имеются также в романе «Поединок» и рассказе «На покое».

«Поединок» — самое значительное произведение Куприна, принесшее ему известность. Образ подпоручика Романова содержит много автобиографических черт писателя, также бывшего офицером. Любопытно, что полковой командир следующим образом рекомендует Романова своей матери: «—Подпоручик Романов — наш, пензенский! Из Наровчата! Земляк!..»

Известную пословицу—«Наровчат, одни колышки торчат»—Куприн приводит и в «Поединке», и в рассказе «Царский гость из Наровчата». Вот как он об'ясняет в этом рассказе происхождение пословицы:

«Все наровчатские дома и пристройки построены исключительно из дерева, без малейшего намека на камень, река Безымянка протекает от города за версту; лето всегда бывает жаркое и сухое, а народ—ротозей. Долго ли тут до божьего попущения? Так и выгорал

из года в год славный город, выгорал и опять обстраивался».

В один из таких пожаров еще в 90-х годах сгорел дом коллежского регистратора Ивана Ивановича Куприна, в котором 7 сентября 1870 года родился писатель. Наровчатскому музею удалось составить описание дома по рассказам старожилов.

Став писателем, Куприн не раз посещал Пензенский край. В начале 900-х годов он жил летом в деревне Пановка Сердобского уезда (ныне Колышлейского района Пензенской области)—сохранилось его письмо к Л. Н. Кипатьевской с описанием жизни в Паповке. Пензенские старожилы рассказывали мне, что встречали Куприна на ипподроме в Пензе. В очерке «Фараоново племя» Куприн пишет, что слушал в Пензе цыган

МАЯКОВСКИЙ

«В понедельник 3-го марта 1914 года... состоится вновь разрешенная начальством лекция знаменитых московских футуристов. Прочтут доклады: о живописи Давид Бурлюк, о литературе Владимир Маяковский... Лекция состоится безотлагательно».

Такое об'явление появилось в газете «Пензенские ведомости» 2 марта 1914 года. Последняя фраза была не лишней: лекция футуристов, назначенная в Пензе на 20 февраля, не состоялась. Отмену ее сопровождала заметка в «Пензенских ведомостях» с протестом против лекции «двух бывших» футуризмом и укрепим учением Художественного

училища за ее организацию. Заметка вызвала письмо Д. Бурлюка в редакцию «Пензенских ведомостей». Он сообщал, что лекцию организуют не ученики Художественного училища, а редакция «Первого журнала русских футуристов».

Лекция Бурлюка и Маяковского состоялась в зале Соединенного собрания (напротив здания музея). Маяковский читал доклад «Достижения футуризма».

О чем говорил Маяковский? «Поэзия футуризма — это поэзия города, современного города... Телефоны, аэропланы, экспрессы, лифты, ротационные машины, тротуары, фабричные трубы, каменные громады домов, копоть и дым — вот элементы красоты в новой городской природе. Электрический фонарь милее видит, чем старую романтическую луну... А самое главное — изменился ритм жизни. Все стало молниеносно, быстротечно, как на ленте кинематографа. Плавные, спокойные, успокаивающие ритмы старой поэзии не соответствуют психике современного горожанина. Поэзия... должна соответствовать новым элементам психики современного города..»

Вместо отчета пензенская газета поместила зубоскальскую заметку под заголовком.. «Происшествия». В заметке говорилось, что на лекцию «любителей скандальчиков собралось очень много, но полицией к недопущению скандальщиков были приняты все меры...

Не касаясь сущности лекции г. г. футуристов, все нашли, что говорят они хорошо и с полной верой в себя, как грядущих гениев».

Лекция Маяковского и Бурлюка в Пензе была одной из многих, прочитанных поэтами-футуристами в городах России в 1913—1914 годах. Маяковский в своей автобиографии так вспоминал об этом: «Ездили Россией. Вечера. Лекции. Губернаторство шастораживалось... Часто обрывались полицией на полуслове доклада».

Инициативу футуристов оценил Горький. В книге «Жизнь с Маяковским» Василий Каменский пишет:

«Горький хвалил нас за то, что мы первые вынесли искусство на широкую народную улицу, разъезжая всюду по городам России. И ласково бранил за все наши крайности творческого безудержного озорства, происходящего от слишком буйной молодости.

Осуждая злостную, глупую, невежественную газетную ругань, направленную по нашему адресу, Горький предлагал близко, по-дружески, согреть нас заботливым подходом и полным признанием».

В Пензе у молодых поэтов оказались друзья: брат Бурлюка—Володя, учившийся в Художественном училище, художники Татлин и Лентулов, семья Цеге. «В доме Цеге,—вспоминал Каменский,—жили наши книги, картины, музыка, стихи». Здесь состоялся поэти-

Пенза. Здание бывшего Соединенного собрания, в котором выступал Маяковский в 1914 году.

ческий вечер, на который собрался цвет передовой пензенской интеллигенции. На этом вечере Маяковский читал свои новые стихи.

* * *

Вторично Маяковский посетил Пензу спустя тринадцать лет — в 1927 году, когда он совершал свою очередную лекционную поездку по стране.

«Мне необходимо ездить,—говорил Маяковский,—общение с живыми вещами почти заменяет мне чтение книг».

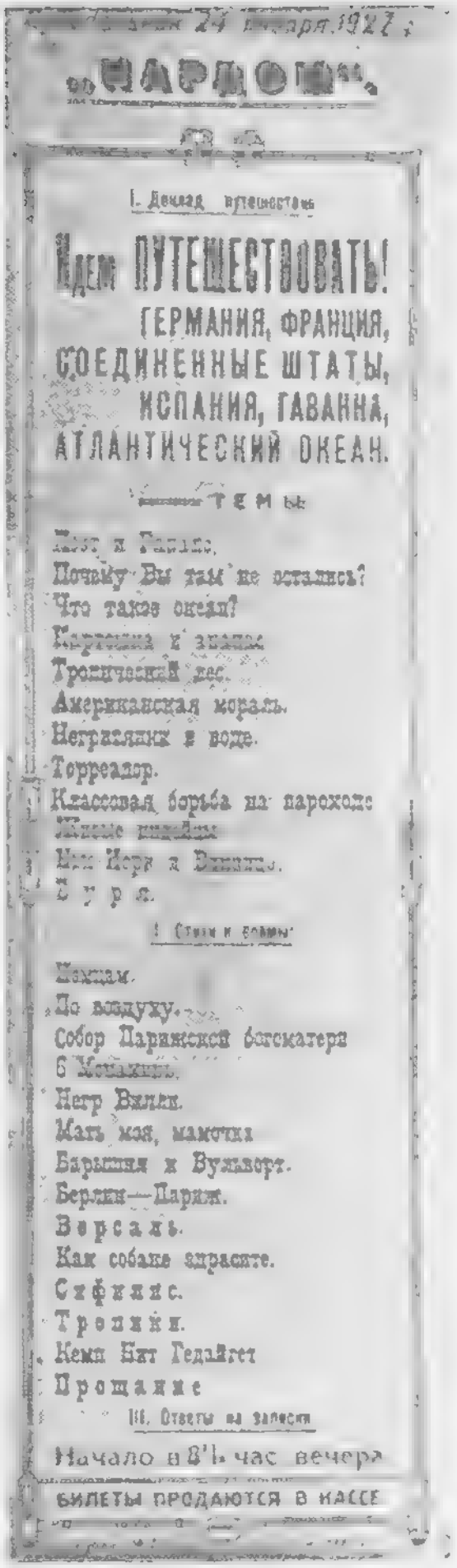
Приезжая в новый город, Маяковский отправлялся смотреть его. Так было и в Пензе. В день приезда Маяковского—24 января 1927 года—в Пензе был базарный день, и Маяковский мог наблюдать пензенский базар. Пензенские впечатления нашли отзвук в стихотворении Маяковского «По городам Союза»:

«На каждом доме
советский вензель
зовет,
сияет,
режет глаза.
А под вензелями
в старенькой Пензе
старушьим шопотом дышит базар
Перед нэпачкой баба седа
отторговывает копеек тридцать
— Купите платочек!

У нас
завсегда—
заказывала
сама царица...

В Пензе было намечено одно выступление Маяковского, но утром в гостиницу пришли рабкоры, просили выступить и у них. Времени не было, но Маяковский не отказал. Он предложил собраться у него в номере перед выступлением. Около пятидесяти человек пришли беседовать с поэтом.

Вечером Маяковский выступал в Народном доме (ныне Облдрамтеатр) „Идем путешествовать!“—так назвал он свое выступление.



24 января 1927 г.

„НАРДОМ“.

I. Доклад путешествия

Идем ПУТЕШЕСТВОВАТЬ!
ГЕРМАНИЯ, ФРАНЦИЯ,
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ,
ИСПАНИЯ, ГАВАННА,
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН.

ТЕМЫ

Поэт и Рапалло.
Почему Вы там не остались?
Что такое океан?
Картошка и ананас.
Тропический лес.
Американская мораль.
Негритянки в воде.
Торреадор.
Классовая борьба на пароходе
Живые индейцы
Нью Йорк и Виннипэг.
Буря.

II. Стихи и поэмы

Немцам.
По воздуху.
Собор Парижской богоматери
6 Монахинь.
Негр Вилли.
Мать моя, мамочка
Барышня и Вульворт.
Берлин—Париж.
Версаль.
Как собаке здрасите.
Сифилис.
Тропики.
Кемп Нит Гедайгет
Прощание

III. Ответы на записки

Начало в 8½ час. вечера

БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ В КАССЕ

Программа выступления Маяковского в Пензе в 1927 году.

Маяковский поделился впечатлениями своей последней поездки в Европу и Америку, читал стихи, посвященные этой поездке — о полете Москва—Кенигсберг, о Париже, Испании, Нью-Йорке. Читал также и ранее написанные стихи, которые считал лучшими— «Левый марш», «Сергею Есенину». Как и везде, Маяковский весь вечер отвечал на многочисленные записки.

Интересная деталь. Сразу после выступления Маяковский должен был ехать в Самару. Чтобы не опоздать на поезд, решено было закончить вечер ровно в 10 часов 20 минут Маяковский увлекся, тогда спутник его—Лавут вошел в ложу и поднял руку: пора кончать. «Эта суета путешествий, «скачки с препятствиями», горячие темпы нравились Маяковскому»,—вспоминал Лавут.

Газета «Трудовая правда», выходившая в то время в Пензе, писала:

«Вокруг имени Маяковского до сих пор еще не остыли горячие споры и литературные пересуды. И думается, что в связи с поездками поэта по Союзу, они еще ярче зажгутся в литературно-критической среде и на этот раз вовлекут в свою орбиту более широкие слои читательской массы. Тому порукой, в частности, пример пензенского выступления тов. Маяковского, вызвавшего несомненный интерес у слушателей».

ЗАБЫТЫЕ ПИСАТЕЛИ

Поэт князь Иван Михайлович **Долгорукий** (1764—1823) в свое время пользовался очень большим успехом. Знаменитый филолог Буслаев, выросший в Пензе, писал, что «самою избранною, самою любимою» книгой его матери, которой она «никогда не могла начитаться досыта», было собрание стихотворений князя Долгорукого под чувствительным заглавием «Бытие моего сердца».

Долгорукий в течение шести лет был пензенским вице-губернатором (1791—1797), и многие его произведения написаны в Пензе. Одно из лучших называется—«Камин в Пензе».

Большой интерес представляют мемуары Долгорукого—«Капище моего сердца или

словарь всех тех лиц, с коими я был в ра-
ных отношениях в течение моей жизни».
«Журнал путешествия из Москвы в Нижний
1813 года» и «Записки», в которых много
страниц уделено Пензенскому краю.

* * *

В журналах пятидесятых—шестидесятых годов XIX века печатались обличительные очерки жившего в Пензенской губернии Ильи Васильевича **Селиванова** (1810—1882). Ему, очевидно, принадлежит напечатанный в «Современнике» за декабрь 1859 года под псевдонимом П. Вифанский рассказ «Частный пристав», в котором очень живо изображена Пенза при губернаторе Панчулидзеве. Селиванов, как отмечено выше (см. заметку «Лесков»), разгадал писательский талант в Лескове и предсказал ему будущее писателя.

* * *

В Пензе жила в молодости писательница Екатерина Ивановна **Новикова-Зарина** (1835—1940). Ее рассказ «Питомцы» одобрили Некрасов и Салтыков-Щедрин. Дожив до 105 лет, Новикова-Зарина оставила около 1.000 листов воспоминаний.

Муж Новиковой-Зариной — критик и переводчик Байрона Ефим Федорович **Зарин** (1829—1892) также жил в Пензе. Лесков называет его в «Загоне» как лицо, вызвавшее сенаторскую ревизию и удаление Панчулид-

зева, правившего губернией 28 лет. Сын Заринespecially—Андрей Ефимович (1863—1929) был известный в свое время беллетрист.

Сочинения Ильи Александровича Салова (1834—1902) изданы в 15 томах. Это преимущественно реалистические очерки деревенской жизни.

Талант Салова ценил М. Е. Салтыков-Щедрин, и лучшие произведения Салова—«Ольшанский молодой барин», «Мельница тети Чесалкина», «Грызуны», «Аспид» и другие напечатаны в журнале «Отечественные записки», выходившем под редакцией Салтыкова. «После рассказа «Аспид»,—вспоминал Салов,—я, не будучи лично знаком с М. Е. Салтыковым, получил от него письмо, в котором он приглашал меня быть сотрудником «Отечественных записок» и печатать там исключительно свои произведения».

Салов—уроженец Пензы. «Родился я 6 апреля 1834 года в городе Пензе, на Московской улице, в доме Ильи Алексеевича Очкина»,—говорит он в своих воспоминаниях «Минувшиеся годы». Учился Салов в пензенской гимназии. Как указывает его биограф, многие типы рассказов Салова списаны с натуры в Пензе

* * *

Поэт и писатель Владимир Николаевич Ладыженский (родился в 1859 году) оставил о Пензе хорошую память своей многолетней просветительной деятельностью. Он ведал в губернской земской управе вопросами народного образования.

Ладыженский был дружен со многими видными писателями и художниками; поэтому большой интерес имеют его воспоминания «Из встреч», «Памяти А. П. Чехова». Особенно близок был он с А. П. Чеховым «Большой друг брата Антона Павловича и всей нашей семьи, Владимир Николаевич Ладыженский, этот милый поэт, жил в Пензе, и мне казалось, что она этим только и замечательна»,—писала сестра А. П. Чехова—Мария Павловна в письме ко мне от 3 августа 1944 года.

* * *

У дореволюционных читателей пользовались известностью романы и рассказы Алексея Николаевича Будищева (1867—1916). Близкий друг Будищева—А. И. Куприн писал: «Будищев был мало понят и оценен критической литературой... Все его сочинения написаны таким простым и спокойным, истинным и красивым языком... Крестьяне у него беседуют, как настоящие крестьяне, пейзаж его не только говорит зрению, но и вызывает в душе те мимолетные, глубокие, неуловимые чувст

вв, которые внушает самая природа.., а от помещиков, дворян, купцов, рабочих, кучеров и охотников Будищева веет диким черноземным запахом».

Будищев родился в теперешнем Лопатинском районе—в селе Багреевке, окончил первую пензенскую гимназию.

* * *

Служивший в Пензе членом окружного суда Валериан Александрович **Волжин** (1845—1919) был автором многочисленных произведений из судебной жизни, представляющих интерес для характеристики пензенского быта

* * *

Уроженец Мокшана Владимир Порфирьевич **Быстрении** (1856—1926) в своих рассказах изображал быт пензенской деревни и уездного города. На книгу его рассказов «Житейские были» написал рецензию Г. В. Плеханов. Приведем заключительные строки этой рецензии, представляющие общий интерес для оценки значения «второстепенных» писателей.

«Его талант невелик, но, во-первых, мы не богаты даже и небольшими талантами; во-вторых, и небольшой талант может и должен совершенствоваться; в-третьих, и с небольшим талантом, особенно при разумном употреблении его в дело, можно принести много пользы читающей публике; нужны только добрая воля да уменье выйти на настоящую дорогу».

* * *

Интересна биография писателя из рабочих Михаила Гордеевича Сивачева (1877—1937). Он родился в Пензе в семье стрелочника. Книгу Сивачева «Прокрустово ложе» (Записки литературного Макара), в которой изображен его мучительный путь в литературу, Горький назвал «одним из значительнейших явлений современности». Л. Н. Толстой сказал, что это «очень интересная книга». Опубликованы очерки Сивачева «Из деревенских впечатлений», в которых отражена пензенская деревня периода первой мировой войны.

* * *

С Пензой связана биография талантливого поэта из народа Николая Андреевича Панова (1861—1906). В 1892—1893 годах он работал библиотекарем в только что основанной тогда Лермонтовской библиотеке. В библиотеке хранится книга Панова—роман в стихах «Владимир Волгин», со следующей надписью: «Пензенской общественной, имени М. Ю. Лермонтова, библиотеке от автора этой книги, бывшего первым библиотекарем в год ее основания».

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Литературная деятельность поэта и писателя Александра Алексеевича Богданова (1874—1939) тесно переплелась с его революционной деятельностью. Недаром одна из его книг называется «Песни подпольщика». До Октябрьской революции многие стихотворения Богданова не могли быть напечатаны и распространялись в списках. Сам писатель шесть раз сидел в тюрьмах и более десяти лет провел на нелегальном положении. Первая книга Богданова вышла в 1917 году, спустя четверть века его работы в литературе.

Богданов родился и вырос в Пензе, окончил Пензенскую духовную семинарию, учительст-

вовал недалеко от Пензы—в селе Спасско-Александровском, ныне Кондольского района. Его рассказы «Волжская кипень», «Поповы сироты» и другие взяты из пензенского быта.

* * *

В Наровчате родился в 1878 году и вырос Николай Александрович **Степной** (Афиногенов)—автор «Сказок степи», «Записок ополченца», романов. «Перевал», «Семья», «Пролетарий», «Коммуна». Собрание его сочинений издано в 10 томах.

«Мокша и чудесные поля и пространства степей-краев наровчатских—вот первые восприятия, что легли в основу моего литературного творчества»,—написал Н. А. Степной на своем портрете, присланном в дар будущему Пензенскому литературному музею.

Сын Н. А. Степного—известный советский драматург Александр Николаевич **Афиногенов** (1904—1941), погибший в Москве от немецкой бомбы, в детские годы бывал в Наровчате.

* * *

Выдающийся советский писатель Александр Георгиевич **Малышкин** (1890—1938)—автор «Падения Дайра», «Севастополя», «Людей из захолустья»—родился в городе Мокшане бывшей Пензенской губернии, окончил первую пензенскую мужскую гимназию. В 1918 году он работал в Пензе сотрудником газет «Из-

вестия Пензенского Совета» и «Пензенская беднота».

Быт родного края, Пензу, Мокшан Малышкин отобразил в своих ранних рассказах, написанных до революции, и в последнем, лучшем своем произведении «Люди из захолустья». «Земляки мои найдут там не мало напоминаний и воспоминаний о Пензе»,— писал Малышкин об этом романе.

Интересно отметить, что Малышкина толкнул на литературные опыты его земляк—писатель В. П. Быстренин, познакомившийся с ним в то время, когда отец Малышкина служил приказчиком в магазине Быстренина.

* * *

В Пензе родился в 1900 году и вырос Владимир Петрович **Ставский** (Кирпичников), получивший известность своими книгами из эпохи коллективизации—«Разбег» и «Станица». Последние годы своей жизни Ставский много работал как военный очеркист. Он погиб **на поле боя в 1943 году.**

* * *

Один из старейших представителей советской литературы, автор «Цемента» и «Энергии», Федор Васильевич **Гладков** родился в 1883 году и рос до 12 лет в селе Чернавка, ныне Даниловского района. Впечатления, полученные в Чернавке, отразились у Гладкова **в рассказе «Пучина»**

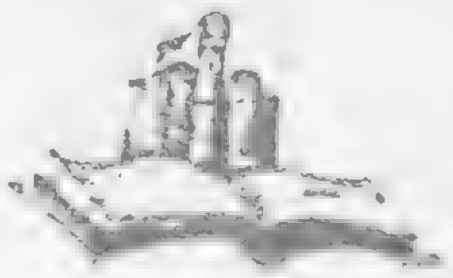
* * *

Петр Иванович Замойский родился в 1896 году в селе Соболевке, ныне Свищевского района, был пастухом, половым в пензенском трактире, сельским писарем. Активно участвовал в проведении Октябрьской революции и становлении советской власти в Пензенской губернии.

«Весь жизненный опыт, работа, знание людей, язык, быт—все это взято мною для художественной литературы из Пензенского края. Все основные произведения—«Лапти» (4 книги), «Подпасок» «Молодость» — из жизни и быта Пензенского края. Мне думается, я уже не меньше полсела Соболевки ввел в свои рассказы, повести, романы»,—писал мне Замойский.

* * *

Поэт Павел Давыдович **Дружинин** родился в 1890 году в селе Тезикове, ныне Наровчатского района, и до 18 лет жил в родном селе. «Ни одного своего стихотворения о деревне я не написал без обращения своего мысленного взора к родным местам»,—говорит **Дружинин**.



ПРИЛОЖЕНИЯ

ПУШКИН И ПЕНЗА

Проф. М. А. Цявловский в письме ко мне от 1 июня 1914 года писал: «Вопрос о том, был ли в 1833 году Пушкин в Пензе, принадлежит к тому большому числу вопросов его биографии, которые в настоящее время, вплоть до открытия каких-либо новых материалов, не могут быть разрешены окончательно, и всякие решения которых пока (а может быть, увы, и навсегда) остаются лишь гадательными».

Анализируя имеющиеся данные, я считаю, что Пушкин в Пензе не был.

В сочинениях и письмах Пушкина Пенза упоминается неоднократно. Перечислю эти упоминания.

В 1828 году друг Пушкина, поэт П. А. Вяземский жил в селе Мещерском, недалеко от Пензы. Вот что он писал оттуда Пушкину 26 июля 1828 года:

«...Приезжай зимой к нам в гости и поедем недели на две в Пензу. Здесь тебе поклоняются и тебя обожают. Шутки в сторону, приезжай. Что тебе стоит прокатиться? А лучше всего приезжай в конце августа в Нижний на ярмарку, или ярмонку (как лучше?) и возвратимся вместе в Пензу... Я здешней публике обещался показать тебя. Дай мне похвастаться твоею дружбою ко мне».

Пушкин 1 сентября 1828 года отвечал на это приглашение так:

«Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее,

Прямо, прямо на восток».

Иначе говоря, Пушкин опасался новой ссылки в связи с возникшим около этого времени делом о его поэме «Гавриилиада».

Вяземский не оставил своих попыток залучить Пушкина в Пензу и, встретившись с Пушкиным спустя полгода в Москве, снова звал его туда. «Здесь Александр Пушкин,—писал Вяземский 12 декабря 1828 года из Москвы А. И. Тургеневу.—Я его все подзываю с собою в Пензу,—он не прочь, но не надеюсь...»

Осенью 1830 года Пушкин жил в своей нижегородской деревне Болдино, разлученный с невестой холерными карантинами. «Передо мной теперь географическая карта; я смотрю как бы дать крюку, и приехать к вам через Кяхту или через Архангельск? Если вы в Калуге, я приеду к Вам через Пензу»,—писал Пушкин невесте 27—29 октября 1830 года.

Осенью 1833 года для подготовки «Истории Пугачева» Пушкин совершил поездку в места, связанные с пугачевским восстанием. «Я посетил,—писал Пушкин,—места, где произошли главные события эпохи, мною описываемой, поверил мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев...»

Пенза, как известно, также видела у себя Пугачева, и Пушкин хотел посетить ее. «Завтра еду к яицким казакам, — писал он жене из Оренбурга 19 сентября 1833 года,—пробуду у них дни три и отправляюсь в деревню через Саратов и Пензу». В дорожной записной книжке Пушкина есть запись с указанием расстояния в верстах от Пензы до Арзамаса—«От Пензы до Арз. 285».

Но и на этот раз Пензе не посчастливилось видеть у себя Пушкина. Наступившая рано осенняя распутица, как можно думать, заставила его возвратиться в Болдино другим, более близким путем

В восьмой главе «Истории Пугачева» Пушкин дал краткое (и не совсем точное) изложение того, что было в Пензе при занятии ее Пугачевым. Кроме архивных документов он мог пользоваться сообщениями своего знакомого Сабостьянова, рассказывавшего в своих воспоминаниях, что он доставлял Пушкину сведения о действиях Пугачева в Пензенской губернии.

* * *

См. Пушкин. Письма. Томы II—III. М.-Л. 1928—1935 (по указателю—«Пенза») и «Рукою Пушкина». М.-Л. 1935; стр. 342

КАНДИЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ И ГЕРЦЕН

В «Былом и думах» Герцен, вспоминая свое детство в Москве, писал:

«Всякий год около масленицы пензенские крестьяне привозили из-под Керенска оброк натурой... Приезд керенских мужиков был праздником для всей дворни; они грабили мужиков, обсчитывали на каждом шагу и притом без малейшего права».

В 1861 году знакомые Герцену с детства керенские мужики, недовольные, как и все крестьянство, куцым «освобождением», восстали. Как раз в Керенском уезде Пензенской губернии имело место знаменитое Кандиевское восстание, вошедшее в историю революционного движения в России. Усмиритель восстания—генерал Дренякин характеризовал его как «бунт с оттенком и приемами пугачевщины». Адъютант Дренякина—Худеков писал, что храбрость и стойкость крестьян не имели примера в летописях военной истории. Знаменательно, что именно здесь впервые в России было поднято как символ восстания красное знамя.

15 мая 1861 года в журнале Герцена «Колокол», выходившем в Лондоне, было напечатано письмо из

России с первым сообщением о восстании в Пензенской губернии. Вот это сообщение:

«В Пензенской губернии, Чембарского уезда, восстали крестьяне вотчин гр. Уварова, в числе нескольких тысяч душ; посланная против них рота принуждена была отступить; в руках крестьян остался исправник, становой, шикер и несколько рядовых; два батальона посланы для усмирения».

Этому и другим сообщениям об усмирении крестьян Герцен посвятил передовую статью «Русская кровь льется!», напечатанную в том же номере «Колокола». Герцен писал:

«Да, русская кровь льется рекой!.. Ужасом, слезами наполняют нас новости, идущие со всех сторон. Бедные, бедные крестьяне! Ведь в Европе не подозревают, что такое значит у нас усмирение солдатами, генерал-ад'ютантское, флигель-ад'ютантское усмирение...»

1 июля 1861 года «Колокол» в заметке «Убийства в Пензенской губернии» сообщал о результатах усмирения, произведенного генералом Дренякиным:

«Генерал Дренякин положил в одном селении, оказавшем ослушание (Кандиевке—А. Х.) 9 человек, 28 ранено, 30 прогнано сквозь строй, 22 на поселение, а следствие еще продолжается».

Палача пензенских крестьян—генерала Дренякина Герцен неоднократно клеймил в своих статьях, называя его «окровавленным Дренякиным, мрачным Каином самодержавия и крепостного права». 1 августа 1861 года он посвятил ему в «Колоколе» заметку «Храбрый Дренякин», в которой писал:

«Храбрый Дренякин представлял к награде «молодцов», убивавших крестьян,—наших братьев, русских крестьян. Чем же их наградить? Надобно выписать австрийские или прусские кресты—не русскими же награждать за русскую кровь!»

С Кандиевским восстанием и отражением его в «Колоколе» Герцена связана судьба знаменитого «таинственного узника» Алексеевского равелина Михаила

Бейдемана (ему посвящены роман Ольги Форш «Одеты пламенем» и кинокартина «Дворец и крепость»). Бейдеман работал наборщиком в типографии «Колокола». Узнав о крестьянских восстаниях в Казанской и Пензенской губерниях, он решил отправиться туда, чтобы пропагандою своею поддерживать в крестьянах дух волнения». Бейдеман был схвачен после перехода границы и 26 лет провел в заключении, где сошел с ума и умер.

Отголоском Кандиевского восстания являются следующие известные строки Герцена в его статье «Искомый епископ, дотоле правительство и обманутый народ», напечатанной в «Колоколе» 15 августа 1861 года:

«О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им! Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе...»

В. И. Ленин включил эти пламенные строки в свою статью «Памяти Герцена».

* * *

См. А. И. Герцен. Собрание сочинений под редакцией М. К. Лемке, том XI—стр. 94, 161, 163, 194; том XII—стр. 84. Имение отца Герцена—И. А. Яковлева было в селе Архангельском (Дубасове) Керенского уезда. О Кандиевском восстании см. «Русскую старину» за апрель 1885 г. (А. Дренякин. Сказание о волнении крестьян в Кандиевке в 1861 г.), «Исторический вестник» за декабрь 1881 г. (С. Худеков. Бунт в Кандиевке в 1861 г.) и «Красный архив» за 1939 г., № 1 (публикация «Кандиевское восстание в 1861 г.»). О Бейдемане см. работу П. Щеголева «Таинственный узник». Птг. 1920

ЧЕХОВ И ПЕНЗА

Чехов был хорошо информирован о пензенской жизни из рассказов и писем живущего в Пензе своего близкого друга— писателя и поэта Владимира Николаевича Ладыженского. В архиве А. П. Чехова хранятся 9 писем Ладыженского из Пензы за 1899—1902 годы. Приведу две выдержки из них.

26 февраля 1900 года Ладыженский писал Антону Павловичу о Пензе: «Тон жизни здесь какой-то пониженный и скучный, самый город похож на гравюру из путешествия Олеария по Московии». В другом письме—от 8 июля 1902 года—Ладыженский отмечал: «Очень уж плохо жить в провинции, если не будет общественной деятельности».

Чехову была симпатична общественная деятельность Ладыженского в провинции, и он отвечал ему шутливыми бодрыми письмами. Вот как начинается одно из них—от 17 февраля 1901 года:

„Vivе la Pensa! (Да здравствует Пенза!)... Здравствуй, милый поэт, ревнитель просвещения, литературный летописец и будущий, как надо надеяться, историк пензенской цивилизации!»

Известна отзывчивость Чехова к передовым начинаниям в современной ему общественной и культурной жизни. Несколько проявлений этой отзывчивости связаны с Пензой.

При организации в Пензе Лермонтовской общественной библиотеки Чехов откликнулся на опубликованный в газетах призыв ее инициаторов и прислал в дар библиотеке свои книги. В 1898 году, когда правление Лермонтовской библиотеки предприняло издание литературного сборника «Памяти Белинского», чистый сбор от которого поступал в фонд имени Белинского для просветительных целей, Чехов также отозвался на полученное им приглашение и дал в сборник три прекрасных рассказа—«Оратор», «Неосторожность» и «В бане».

Фамилия Чехова значится в списке членов-соревнователей основанного в 1899 году Пушкинского общества взаимопомощи народных учителей Пензенской губернии. В. Н. Ладыженский в воспоминаниях о Чехове так рассказывает об этом:

«Вспоминая о Чехове, нужно и должно сказать, что он любил народного учителя, любил трогательной любовью большого человека, который не мог не любить всего того, что создает лучшие условия для жизни широких демократических масс. Кстати. При возникновении Пушкинского общества взаимопомощи народных учителей в г. Пензе Чехов первым записался в число его членов, потребовав от меня в обмен членского взноса в Серпуховское обществю взаимопомощи учителей»

* * *

Письма Ладыженского к Чехову хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве. Цитируемое письмо Чехова помещено в «Письмах А. П. Чехова», том VI, стр. 128. О присылке Чеховым книг в Лермонтовскую библиотеку сообщено мне одним из ее организаторов—врачом В. П. Просвирниным. Цитируются воспоминания Ладыженского, напечатанные в журнале «Современный мир» за июнь 1914 г. (стр. 116).

В XIX томе собрания сочинений Чехова издания 1911 г. помещен рассказ «Из дорожных разговоров», в котором речь идет о Пензе, названной иронически Толстопятском. Рассказ датирован 1884 годом и был напечатан в юмористическом журнале «Будильник». Покойный исследователь Чехова проф. С. Д. Балухатый сообщил мне, что рассказ этот помещен в собрание сочинений Чехова ошибочно, так как написан не Антоном Павловичем, а его братом Александром Павловичем

ПРИМЕЧАНИЯ

Заметки, вошедшие в эту книжку, были напечатаны в пензенской газете «Сталинское знамя» в 1943—1945 годах. В эти же годы я посетил все описанные в книжке литературные места. Заметки о Радищеве, Белинском, Лермонтове и Короленко вошли и мою брошюру «Замечательные места Пензенской области» (Пенза, 1943).

Для читателей, желающих углубить и расширить познания о связях русских писателей с Пензенской областью, привожу здесь библиографические сведения и дополнения к основному тексту. В конце помещены сведения о кратковременном пребывании в Пензенской области ряда русских писателей.

РАДИЩЕВ

Лучшая биография Радищева написана Я. З. Барсковым и вошла в состав второго тома «Путешествия из Петербурга в Москву» издания 1935 г. Подробные данные о предках Радищева приведены в работе П. Г. Любомирова «Род Радищева» в сборнике «А. Н. Радищев. Материалы и исследования». М.-Л. 1936. В романе Ольги Форш «Радищев» описан приезд Радищева в Верхнее Аблязово в 1775 г.

Заметка об ученике Радищева — поэте Степане Лва-

[illegible]ковое опубликована И. Д. Смоляновым в пензенской газете «Сталинское знамя» 26 августа 1944 г. Ему же принадлежит заметка «Где родился А. Н. Радищев?», напечатанная там же 2 сентября 1944 г., в которой [illegible]вается, что местом рождения Радищева было [illegible] Москва.

[illegible] приводятся в [illegible] Кузнецк» (Куз[illegible] 1927). [illegible] сына Радищева в [illegible] «Генерал-лейтенант А[illegible] Радищев родился 3-го сентября [illegible] Торжест[illegible] музея А. Н. Радищева в Верхнем Абля[illegible] 22 октября 1945 г. (см. газету «Ста[illegible] от 30 октября 194[illegible] г.).

ДЕРЖАВИН. КРЫЛОВ

О [illegible] и пребывании в ней Державина и Крылова см. следующие источники: Записки Ф. Ф. Ви[illegible] М. 1891—1892. Часть 1, стр. 136; часть 2, стр. 73—75; статью Я. К. Грота «Литературная жизнь Крылова» в третьем томе его «Трудов» (Спб. 1901; стр. [illegible]—242); его же примечания к «Осени во время [illegible] Очакова» в первом томе собрания сочинений Державина издания Академии Наук (Спб. 18[illegible] стр. [illegible]); статью В. Верещагина «Разоренное гнездо» в журнале «Старые годы» за март 1908 г. (перепечатана в [illegible] «Памяти прошлого». Спб. 1914).

[illegible] Крылова к Сумароковой напечатано в третьем [illegible] сочинений под редакцией В. В. Кал[illegible] (Пгр. 1918; стр. 415—416).

[illegible] прославлена также художником В. Э. Борисовым-Мусатовым, создавшим здесь свои лучшие картины—«Водоем», «Призраки», «Гобелен», «Прогулка при закате». Об архитектуре Зубриловки см. в «Истории русского искусства» Игоря Грабаря (том III, стр. 414).

ЗАГОСКИН

Наиболее полная биография Загоскина написана С. Т. Аксаковым (вошла в собрания его сочинений и издавалась отдельно). Описание Рамзая у П. М. Долгорукого см. в его книге «Изборник» (М. 1919). Рецензия Белинского на роман «Искуситель» помещена в IV томе собрания его сочинений под редакцией С. А. Венгерова (Спб. 1901; стр. 45—46).

«Благородный театр» написан в 1828 году, следовательно приезд Загоскина в Пензу был после этого времени. Автором «Записок неизвестной» является Елизавета Алексеевна Карлгоф, урожденная Ошанина, по второму мужу Драшусова. О Загоскине в ее «Записках» см. в сентябрьской книжке «Русского вестника» за 1881 г., стр 128.

ЛАЖЕЧНИКОВ

Источники сведений о пензенском периоде жизни Лажечникова содержатся в его воспоминаниях «Как я знал М. Л. Магницкого» и «Заметки для биографии Белинского» (вошли в том XII собрания его сочинений. Спб., 1900), а также в «Историческом очерке пензенской 1-й гимназии с 1804 по 1871 г.» П. И. Зеленецкого (Пенза. 1889; стр. 24—35). Письмо Лажечникова из Пензы напечатано в «Русской старине» за октябрь 1891 г., стр. 230.

БЕЛИНСКИЙ

Использованы следующие основные источники: Белинский. Письма (томы I—III; Спб. 1914); рецензия Белинского на книгу «Повесть о приключении английского милорда Георга...» (том IV собрания сочинений под редакцией Венгерова, стр. 296—298); статья П. Шуглева «Из колыбели замечательных людей» в журнале «Живописное обозрение» за 1898 г. № 22. стр. 438—443; «Мои воспоминания» Ф. И. Буслаева

(М. 1897; стр. 59) и его письмо А. Е. Соловьеву в «Памятной книжке Пензенской губернии на 1889 год», стр. 411: «Заметки для биографии Белинского» И. И. Лажечникова; сообщения Д. П. Иванова (приложены к третьему тому «Писем» Белинского); упомянутая выше книга Зеленецкого, стр. 45—47; воспоминания Иванисова 2-го в газете «Московские ведомости» № 135 за 1861 г.; воспоминания г-жи Щ. (Н. Н. Щетининой) в газете «Русский» № 15 за 1868 г.; статья М. П. Молебнова «Новые странички из биографии В. Г. Белинского» в газете «Рабочая Пенза» за 12 июня 1936 г.

В воспоминаниях Щетининой сообщается любопытный факт о происхождении дома в селе Владыкине: «Деревенский дом моего отца, в котором бывал Белинский, был куплен у бабки поэта Лермонтова, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, и перевезен из села Тархан (Чембарского уезда) за 20-ть верст от нашего имения. Лермонтов... провел первые годы детства в этом доме» («Русский», 1868, № 15). Факт продажи дома из Тархан во Владыкино подтверждает и П. Шустаев («Живописное обозрение», 1898, № 25). Он об'ясняет продажу нежеланием Арсеньевой жить в доме, где скончались ее муж и дочь—мать Лермонтова.

ЛЕРМОНТОВ

В заметке о Лермонтове отразились впечатления моих посещений Тархан в 1939, 1940 и 1943 годах. Из литературных источников преимущественно использована биография Лермонтова, написанная П. А. Висковатым (М. 1891), а также книга Н. Л. Бродского **«М. Ю. Лермонтов». Том I. М. 1945.**

Цитата на стр. 36-38 взята из статьи В. Алексеева «Суворов в Кобрине» в **«Историческом вестнике» за декабрь 1911 г. (стр. 1072).**

Музей в Тарханах был торжественно открыт 30 июля **1939 г.**

ВЯЗЕМСКИЙ

Использованы комментарии В. С. Нечаевой к «Избранным стихотворениям» П. А. Вяземского (М.-Л. 1935) и переписка Пушкина с Вяземским (см. Пушкин. Письма. Том II. М.-Л. 1928; стр. 55, 301—302). Цитируемое письмо Вяземского к А. Я. Булгакову от 9 ноября 1830 г. напечатано в «Русском архиве» за 1879 г., № 5, стр. 104.

С пребыванием Вяземского в Мещерском связано также написанное в 1829 г. стихотворение «Сатовка» («Глава из путешествия в стихах»), напечатанное в томе IV собрания его сочинений (Спб. 1880; стр. 56—58). Стихотворение посвящено М. Д. Хвриной—культурной пензенской помещице, знакомой многих писателей.

ДЕНИС ДАВЫДОВ

Заметка о Денисе Давыдове основана на комментариях В. Орлова к «Полному собранию стихотворений» Давыдова (Л. 1933), письмах Давыдова 1833—1835 годов (Собрание сочинений 1893 г., том III) и на статье А. Осипова в «Историческом вестнике» за июль 1899 г. Упоминаемое в тексте стихотворение «Вальс» было впервые напечатано в газете «Северная пчела» 28 февраля 1834 г. в корреспонденции из Пензы со следующим сопроводительным текстом: «Один из любимых наших поэтов, отдыхающий ныне у нас от бурь военных,

В мире счастливый певец
Вина, любви и славы,

смотря на наших полувоздушных скутниц Терпсихоры, воспел одну из них...» В этой же корреспонденции сообщается о постановке в Пензе 15 января 1834 г. «Горя от ума», на которой Давыдов, вероятно, присутствовал. Как сообщил мне проф. Н. К. Пиксанов, это была первая постановка «Горя от ума» на русской провинциальной сцене

ОГАРЕВ

Использованы письма Огарева из Пензы, Черткова и Старого Акшина, напечатанные в «Русской мысли» (серия «Из переписки недавних деятелей», начатая в № 7 за 1888 г.), в книге М. Гершензона «Образы прошлого» (М. 1912) и в первом выпуске сборников «Звенья» (М.-Л. 1932). Цитируемый отрывок, описывающий об'яснение Огарева с будущей женой, напечатан в «Русской мысли» за ноябрь 1902 г. стр. 146—147. Цитируемое письмо Герцена к Огареву напечатано в книге «А. И. Герцен. Новые материалы» (М. 1927, стр. 63—64), слова Н. А. Огаревой-Тучковой о сельском времяпровождении Огарева взяты из книги «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых» (М. 1930, стр 261). Стихи Огарева цитируются по двухтомному изданию «Стихотворений и поэм» в «Библиотеке поэта» (Л. 1937 и 1938)

ЛЕСКОВ

Произведения Лескова, упоминаемые в тексте, вошли в собрания его сочинений, за исключением «Жемчужной реки», вышедшей в 1944 и 1945 годах в нескольких отдельных изданиях. «Очерки винокуренной промышленности» напечатаны в «Отечественных записках» за апрель 1861 г. Заметка Лескова «О крестьянских вкусах» напечатана в газете «Новости и биржевая газета» (первое ежедневное издание) 28 февраля 1884 г. Заметка Лескова «О себе самом» напечатана в книге А. Фаресова «Против течений» (Спб. 1904 стр. 9—11). Цитируемая предсмертная беседа Лескова напечатана в «Петербургской газете» 22 февраля 1895 г. В моей заметке «Лесков», напечатанной в газете «Сталинское знамя» 18 сентября 1945 г., я ошибочно утверждал, что Лескова-писателя разгадал Ф. И. Селиванов. Статья Горького о Лескове вошла в книгу М. Горький. Несобранные литературно-кри-

тические статьи. (М. 1941). За помощь в работе над заметкой о Лескове приношу благодарность сыну писателя—Андрею Николаевичу Лескову.

Знаток Пензенского края А. Ф. Селиванов (сын упоминаемого в «Загоне» Ф. Н. Селиванова) в некрологе Лескова, помещенном в № 47 «Пензенских губернских ведомостей» за 1 марта 1895 г., писал:

«У Ник. Сем. Лескова я был один раз. Он, встретившись со мною в одном доме, пригласил меня к себе. Он с удовольствием вспоминал о Пензе и Городищенском уезде. Много говорил об А. Я. Шкотте. В особенности Ник. Сем. интересовался, не остались ли наследники автора рассказа «Кузька—мордовский бог», помещенного в «Отечественных записках». Н. С. говорил, что автор этого рассказа—сельский священник Пензенской губернии. Рассказ этот настолько талантлив, что Н. С. хотел предложить наследникам его вновь напечатать. Заботу о находке издателя Н. С. брал на себя».

СЛЕПЦОВ

Использованы статьи о Слепцове: в «Русской старине» за январь 1890 г. (Ж. Слепцова. Воспоминания матери; стр. 233—241) и в «Историческом вестнике» за март 1903 г. (В. Марков. В. А. Слепцов; стр. 957—976). Сочинения Слепцова изданы в 1932 г. в двух томах под редакцией К. И. Чуковского. Отзывы Горького о Слепцове взяты из книги: М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи (М. 1941. стр. 79 и 418).

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН.

Письма Салтыкова-Щедрина из Пензы, а также цитируемое письмо из Рязани напечатаны в XVIII томе собрания его сочинений, изданного в 1933—1945 г.г. В VII томе напечатаны «Испорченные дети», в X—«В больнице для умалишенных», в XI—«Приятное семей-

ство», в XV—«Пошехонские рассказы». Донос Глобы на Салтыкова напечатан в журнале «Каторга и ссылка» № 5 за 1931 г. в статье Б. Бухштаба «После выстрела Каракозова», стр. 61—67. Внешность Салтыкова в Пензе описана в воспоминаниях Н. Кузнецова, напечатанных в «Историческом вестнике» за декабрь 1908 г. стр. 976—986.

В очерке «Зиждитель», вошедшем в «Помпадуры и помпадурши», у Салтыкова выведен пензенский губернатор Татищев; это было угадано современниками (см. В. Евгеньев-Максимов. В тисках реакции. 1926, стр. 44).

Свидетельством доброй памяти, оставленной Салтыковым в Пензе, служит следующая заметка в газете «Русские ведомости» от 11 мая 1889 г.: «ПЕНЗА 5-го мая, 1-го мая, на другой день по получении известия о кончине М. Е. Салтыкова, почитателями покойного было отслужено несколько панихид и послана телеграмма вдове покойного с выражением сочувствия. Между прочим, панихида была отслужена служащими пензенской казенной палаты, управляющим которой был когда-то покойный Михаил Евграфович».

В письме управляющего Пензенской казенной палатой Н. К. Арсеньева к вдове писателя от 2 мая 1889 г. говорится: «Вступив в управление этою палатою в 1874 году—через семь лет после М. Е., я был и остаюсь свидетелем, что любовь, уважение и благодарная память бывших сослуживцев и всех палатских почитателей литературных трудов его не переставали и долго не перестанут жить в среде чиновников здешней палаты» (письмо хранится в Институте литературы Академии Наук СССР в Ленинграде).

В уголке Салтыкова-Щедрина в Пензенском областном музее хранится бюст писателя работы скульптора Л. А. Бернштама, очень понравившийся писателем и принадлежавший ему лично. Копию этого бюста Салтыков завещал поставить на своей могиле. Бюст привезен в Пензу сыном писателя—К. М. Салтыковым.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Письма Л. Н. Толстого к жене из пензенской поездки напечатаны в 83-м томе юбилейного собрания его сочинений (М. 1938; стр. 163—168); там же в комментариях—письмо к Фету. «Записки сумасшедшего» напечатаны в 26-м томе (М. 1936). Упомянутая в тексте книжка Арбузова издана в Москве в 1904 г. Арбузов допустил ряд неточностей, которые мною исправлены (в частности, он пишет «Ильино» вместо «Ильмино» и т. д.). Обратно Толстой поехал на Симбирск и Волгой до Нижнего Новгорода.

КОРОЛЕНКО

Статья Короленко «В успокоенной деревне» вошла в 9-й том собрания его сочинений издания Маркса (Спб. 1914) и выпущена в 1943 г. отдельной брошюрой в пензенском издательстве «Сталинское знамя» с предисловием дочери писателя—Софии Владимировны Короленко. Письмо Короленко о смерти дочери Лени напечатано в первом томе его «Избранных писем» (М. 1932; стр. 141), письма о кромщинском деле напечатаны во втором томе «Избранных писем» (М. 1932 стр. 271—278). За помощь в работе над этой заметкой приношу благодарность С. В. Короленко.

ГОРЬКИЙ

Заметка о Горьком основана на моей беседе с художником Г. К. Савицким в 1941 г. Предположение о конспиративном характере поездки Горького в Пензу высказал мне в 1943 г. близкий друг Горького—Н. П. Ладыжников. Дата приезда уточнена при помощи Е. Э. Лейтес, которая—составитель подготовляемой к печати «Летописи жизни и творчества А. М. Горького». В архиве А. М. Горького хранится воспроизводимая в этой книжке фотография, на которой рукой Горького отмечены К. А. Савицкий и В. Н. Лады-

женский. Слова Горького о [illegible] губернаторе Хвостове цитируются по книге: М. Горький. Неизбранные литературно-критические статьи (М. 1941; стр. 467).

КУПРИН

Рассказ Куприна «Царский гость в Нарвиата» напечатан в журнале «Литературный современник» № 7—8 за 1939 г. Письмо Куприна к Л. И. Елпатьевской из деревни Псиовки опубликовано Э. Ротштейном в газете «Сталинское знамя» 8 апреля 1944 г.

МАЯКОВСКИЙ

Использованы: об'явления и заметки в «Пензенских ведомостях» от 14, 18, 19 и 21 февраля, 2 и 5 марта 1914 г., а также в «Трудовой правде» (Пенза) от 27 января 1927 г.; воспоминания П. Лавута «Маяковский едет по Союзу» в журнале «Знамя» № 4—5 за 1940 г. стр. 217—218; книги В. Каменского «Юность Маяковского» (Тифлис. 1931; стр. 50—51) и «Жизнь с Маяковским» (М. 1940; стр. 118 и 164); статья Н. Харджиева «Турне кубо-футуристов 1913—1914 г.г.» в книге «Маяковский. Материалы и исследования» (М. 1940) и устные сообщения Лилии Николаевны Неге. Содержание доклада Маяковского «Достижения футуризма» цитируется по отчету в «Трудовой газете» (Николаев), который считается наиболее достоверным (см. книгу: В. Катанян. Маяковский. М. 1945. стр. 28—30).

ЗАБЫТЫЕ ПИСАТЕЛИ

Замечание Буслаева об И. М. Долгоруком цитируется по по книге Ф. И. Буслаева «Мои воспоминания» (М. 1897; стр. 75). «Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года» вошел в новейшее издание избранных сочинений Долгорукого «Изборник» (М. 1919)

«Записки» Долгорукого, имеющие подзаголовок «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...», изданы в Петрограде в 1916 г. Долгорукий в 1793 г. основал театр в Пензе.

Очерки И. В. Селиванова собраны в книгах: «Провинциальные воспоминания» (3 части; М. 1857—1861), «Воспоминания прошедшего» (М. 1868), «Виденное, слышанное, передуманное и перечувствованное» (М. 1882).

Повесть Е. Н. Новиковой-Зариной «Питомцы» напечатана в «Современнике» за декабрь 1863 г. Неопубликованная рукопись ее воспоминаний хранится в Институте литературы Академии Наук СССР в Ленинграде.

Воспоминания Н. А. Салова «Уходящиеся годы» помещены в «Русской мысли» за 1897 г., книги 7—10; продолжение их в «Историческом вестнике» за 1900 г., книги 10—11. Биография Салова написана П. В. Быковым и приложена к первому тому сочинений Салова.

Воспоминания В. Н. Ладыженского «Чин и встречи» напечатаны в «Вестнике Европы» за февраль 1917 г., его воспоминания о Чехове—в журналах: «Мир божий» в апреле 1905 г. и «Современный мир» за июнь 1914 г.

Статья Куприна об А. Н. Будищеве напечатана в 9-м томе собрания сочинений Куприна, выпущенного «Московским книгоиздательством» (М. 1917).

Мемуары В. А. Волжина напечатаны в «Историческом вестнике» за июль-август 1912 г. Волжиным написаны книги: «Картинки из судебной жизни», «Записки судебного следователя», «Наши тулуповцы», повесть «Заговорила совесть» (в журнале «Наблюдатель» за 1902—1903 г.г.) и др.

В. П. Быстренин издал книги: «Очерки и рассказы» (М. 1890) «Житейские были» (М. 1895), «Сказки жизни» (М. 1898) и др. В «Голосе минувшего» за 1922—1923 г.г. напечатаны его мемуары «Уходящее». Рецензия Г. В. Плеханова на «Житейские были» напечатана в шестом сборнике «Литературного наследия Г. В. Плеханова», М. 1938; стр. 241—245.

Отзыв Горького о М. Г. Сивачеве помещен в книге «М. Горький. Материалы и исследования», т. I. Л. 1934, стр. 295; отзыв Л. Н. Толстого о Сивачеве—в книге «Лев Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л. Н. Толстого В. Ф. Булгакова». М. 1920., стр. 323. Очерки Сивачева «Из деревенских впечатлений» впервые напечатаны в «Вестнике Европы» за 1917 г., книга 4—6; перепечатаны с дополнениями в его книге «На переломе». В них описано село Васильевка, бывш. Пензенского уезда, в 5 километрах от станции Рамзай (сообщено сестрой писателя—М. Г. Пятаевой).

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Большинство сведений для этой заметки сообщено мне лично писателями или их близкими.

Богданов жил в Пензе в доме № 10 на Красной (бывшая Дворянская) улице; Малышкин, учась в пензенской гимназии, жил в доме № 26 на Гоголевской улице у своего дяди М. А. Казакова; Ставский родился и вырос в доме № 22 на улице Пески.

Цитируемая заметка Малышкина «О себе» напечатана в газете «Рабочая Пенза» 2 февраля 1938 г. О литературном наставничестве Быстренина по отношению к Малышкину мне сообщила дочь Быстренина—Инна Владимировна.

* * *

Из неопубликованного письма декабриста Н. И. Горсткина к П. А. Вяземскому, хранящегося в Центральном государственном литературном архиве, известно, что в 1832 году в Пензе находился поэт Е. А. Баратынский (сообщено В. С. Нечаевой).

В 1835 году в Пензе лечился поэт Н. М. Языков, о чем сообщается в письмах Дениса Давыдова (см. Собрание его сочинений 1893 г., том III, стр. 208).

В 1837 году через Пензу и Пензенскую губернию проехал поэт **В. А. Жуковский**, оставивший об этом краткую запись в своем дневнике (см. «Русскую старину» за май 1902 г. Приложения, стр. 334).

В июне 1850 года через Пензу проехал **Н. Г. Чернышевский**, возвращавшийся по окончании университета из Петербурга в Саратов. В своем дневнике он записал: «При взгляде на Пензу перекрестился, потому что был в умилении, потому что это родной папенькe город» (Собрание сочинений, том 1, 1939, стр. 383). Отец Чернышевского родом из села Чернышева Пензенской губернии (ныне Пензенского района), окончил пензенскую духовную семинарию и был в ней библиотекарем.

В рукописи А. Ф. Селиванова, хранящейся в Пензенском областном музее, сообщается, что поэт **А. Н. Майков** неоднократно бывал в селе Степановке Мокшанского уезда Пензенской губернии у своих родственников Кашкаровых.

С Пензенской губернией связаны последние годы жизни поэта **А. Н. Плещеева**. В 1890 году он получил в наследство имение в селе Черноозерье Мокшанского уезда и приезжал сюда; здесь он заканчивал свою монографию «Жизнь Диккенса» (см. об этом воспоминания В. Быстренина в «Русской мысли» за ноябрь 1913 г.).

Весной 1892 года через Пензу проехал **Г. И. Успенский**. Сохранилось его письмо к жене из Пензы от 27 марта 1892 года, в котором он делится впечатлениями от встреч с голодающими на пути от Москвы до Пензы (см. «Глеб Успенский». Гос. Лит. Музей. Летописи. М. 1939., книга 4, стр. 62).

Один из братьев **Жемчужниковых**—Александр Михайлович, выступавших вместе с А. К. Толстым под псевдонимом Козьмы Пруткова, в 1866—1870 годах **был пензенским вице-губернатором**.

В 1862—1863 годах в Пензу был сослан писатель

М. В. Авдеев. В конце 1890-х годов в Пензе находился в ссылке писатель **А. М. Ремизов.**

Ребенком 9-ти лет был в Пензенской области А. А. **Блок,** дед которого—известный ботаник А. Н. Бекетов был родом из Пензенской губернии (см. письмо Блока к деду от 1890 г. из села Урлейка в книге «Письма Александра Блока к родным». Л. 1927. стр.5).

Из советских писателей в Пензенской области бывали **А. С. Новиков-Прибой** и **В. В. Каменский.**

Летом 1917 года Новиков-Прибой работал в земской управе города Спасска (ныне Беднодемьяновск), бывал он и в Наровчате (сообщено вдовой писателя Марией Людвиговной Новиковой и Н. А. Степным-Афиногеновым). Каменский приезжал в 1914 году вместе с Маяковским, лето 1916 года он провел на даче под Пензой—в Кичкилейке, где писал свою поэму «Стенька Разин» (сообщено Л. Н. Цеге).

В письме ко мне от 27 января 1946 г. из Тбилиси В. В. Каменский сообщил следующие воспоминания о своих посещениях Пензы:

«В первый раз я был в Пензе в 1914 году вместе с Маяковским и Бурлюком, но я вдруг заболел и уехал в Москву, не выступив, хотя моя фамилия и была на первой афише. Однако все же перед от'ездом наш триумвират (Маяковский, Каменский, Бурлюк) побывал в Пензенском художественном училище и в популярном «салоне» семейства Цеге, где в то время «принимали» всех приезжих гастролеров, где бывали пензенские художники. Мы читали стихи. Нас встречали прекрасно, особенно молодежь.

Ну, а разные «солидные» вообще ни черта не понимали в поэзии и просто нас побаивались, как боксеров. А на базаре думали, что мы—антихристы. Зашли в один магазин — все покупатели разбежались. А нам было весело.

Через два года я снова побывал в Пензе, как гость семейства Цеге. И даже жил на даче и писал стихи.

На окраине Пензы гонял на мотоциклете и решил привезти сюда свой самолет Блерио и, действительно,

ЛИТЕРАТУРНАЯ
КАРТА
ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
Пенза

через два месяца приез. С инженерами Яковлевым и Цеге мы придумали самолет реконструировать. Но что-то нам помешало и дело замариновалось. Да и не было аэродрома. Тогда мы стали изобретать особого типа аэросани. И это дело тоже оставили.

В 1926-м или 1927-м году (даты не помню) пензенский театр поставил мою пьесу «Пушкин и Дантес» и пригласил меня на премьеру, чтобы перед началом сказать авторское вступительное слово на тему «Семейная драма Пушкина». Спектакль был хорошо поставлен и прошел с успехом.

Интересно, что на премьере присутствовали Е. Н. Бибикова, внучка Н. Н. Гончаровой, жены А. С. Пушкина, и сын М. Е. Салтыкова-Щедрина, проживавшие в то время в Пензе».

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Дом Радищевых и церковь в Верхнем Аблязове воспроизведены со старинного рисунка. В настоящее время дом не существует.

Снимки пензенских зданий и кабинета Салтыкова-Щедрина выполнены в 1945 году Г. А. Архангельским.

Снимок «Горький в Пензе» сделан Г. К. Савицким. Воспроизводится по оригиналу, находящемуся в Пензенском областном музее.

Снимок «Короленко в Дубровке» публикуется впервые. Получен от родственницы писателя—Ф. П. Чесноковой.

Литературная карта Пензенской области выполнена А. П. Бариновым.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Радищев 7
Державин. Крылов 13
Загоскин 18
Лажечников 21
Белинский 24
Лермонтов 34
Вяземский 43
Денис Давыдов 47
Огарев 50
Лесков 58
Слепцов 63
Салтыков-Щедрин 66
Лев Толстой 76
Короленко 80
Горький 85
Куприн 91
Маяковский 94
Забытые писатели 101
Советские писатели 107

Приложения

Пушкин и Пенза 111
Кандиевское восстание и Герцен . . . 113
Чехов и Пенза 116

Примечания 118
Литературная карта Пензенской области . . . 132

Издательство газеты „Сталинское знамя"
Пенза. Улица Кирова, 65.

Вышли из печати:

Писатели-земляки о Родине (Радищев. Лермонтов. Белинский. Огарев. Салтыков-Щедрин).

В. Г. Короленко. В уединенной деревне. Предисловие С. В. Короленко.

Л. Благой. Александр Николаевич Радищев.

В. Нечаева. Виссарион Григорьевич Белинский.

В. Мануйлов. Михаил Юрьевич Лермонтов.

В. Нечаеви. Иван Иванович Лажечников.

В. Ермолаев. Пензенский край в отечественной войне 1812 года.

А. Храбровицкий. Замечательные места Пензенской области (Суворово. Чембар. Тарханы. Верхнее Аблязово. Дубровка и Кромщина).

А. Анисимова. Песни про войну.

И. Стрыгин. Лекарственные растения Пензенской области.

2283 8/I
1175 22/I
837 10/III
2935 11/IV
2748 15/V
4218 15/VII
ОТМЕТ

Цена 6 рублей